

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

НОЧИ С КАМЕЛИЕЙ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Ночи с Камелией
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18092161

Ночи с Камелией : [роман] / Лариса Соболева: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-094828-4

Аннотация

Графиня Маргарита Ростовцева мечтает поучаствовать в официальном следствии и знакомится с начальником сыскной полиции Зыбиным, занятым расследованием убийства дворянина Долгополова. Мотивы преступления не ясны. По городу ходит легенда о доступной женщине – якобы очень искусной в любви и прячущей свое лицо. Многие господа ищут встреч с нею и желают раскрыть ее инкогнито. Тем временем появляются еще две жертвы. Может быть, виновница убийств та самая Камелия – содержанка высшего ранга. Говорят, будто мужчины готовы на все ради ее благосклонности... Этот детективный сюжет легко ложится в канву романа современной писательницы Софии. Потому что она сама оказывается в центре подобных событий: некая дамочка убивает на дороге богатых мужчин и забирает их дорогие автомобили...

Книга также выходила под названием «Исповедь Камелии».

Содержание

1	5
2	21
3	42
4	76
5	107
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Лариса Соболева

Ночи с Камелией

1

Бессмысленно расходовать драгоценные нервные клетки. От похода в гости еще никто не умирал, разве что перепив до смерти. Так что осталось пережить эту неприятность, как стихийное бедствие. Наверное, надо радоваться, что есть кому пригласить, к тому же общение – высшее благо, которое даровал... нет, не Бог, а Сатана! Сколько времени тратится на пустую болтовню, сколько негатива вызывают друзья-приятели мужа, которые так и не стали друзьями Софии. Главное, повод – обалдеть просто так. Да, в гости зовут и просто так, без повода, вернее, повод – давно не виделись, пора водки попить. А если Борька надерется в стельку, тогда – стынет кровь! – ночевать предстоит в бедламе, ибо там веселятся до упора, пока не попадают замертво на кровати. В этом случае следующий день можно заранее вычеркнуть из жизни, потому что сонный человек – не человек, а ходячая, тупая, ни к чему не пригодная биомасса.

– Заранее настроилась на скуку? – подметил Борька, выкручивая руль на крутом повороте, хотя даже не взглянул на жену. – Ты ж не знаешь, что там будет.

– Почему? Знаю, – с легким смешком сказала София. – Будет до жути весело: ворона пролетела – ха-ха, нечаянно лбами стукнулись – ха-ха, и без причин – ха-ха-ха. Умоляю, не напейся. Я хочу спать на своей кровати и на своей подушке, а не бодрствовать всю ночь у твоих друзей.

– Кто из нас зануда? – хмыкнул Борис. – Раз в год можно потерпеть.

– Год у тебя какой-то короткий, из одного месяца состоит. Ворчанье жены он пропустил, вытянул шею:

– Авария, что ли?

Дорога шла от окраины в новый частный богатый район, по сторонам – деревья, за ними – поля широкие и небо высокое, в общем, пейзаж унылый. Впереди у обочины стояли три машины, одна из них милицейская; несколько человек пассивно переговаривались между собой. Проезжая мимо, София увидела знакомого. Кстати, аварией и не пахло, поэтому она попросила мужа:

– Останови, Борька.

– Зачем?

– Останови! Там знакомые, узнаю, что случилось.

Он остановил. Когда София выходила, дал указание:

– Две минуты. – Затем недовольно пожал плечами. – На фиг тебе это?

– Надо, – заявила она, но, чтобы избежать вспышки гнева с его стороны, объяснила: – Сюжет обещали подбросить.

– Это сейчас так необходимо? – вскипел Борис. – Голова

у тебя на что? Придумала бы сама, делов-то!

– Борь, поезжай. Знаешь, нет желания резать колбасу и накрывать на стол, меня привезут на все готовенькое.

– Кто? Менты привезут? – с сомнением произнес он.

– Ты забыл? Я им помогла, они мои должники.

– Уж кто-кто, а менты себе долги прощают.

– Надежда умирает последней. Поезжай. – И захлопнула дверцу.

Пронесло. Видимо, Боря торопится к рюмке и разговорам по душам. София, погружаясь каблуками в снег, направилась к группе мужчин. На ее пути вырос молодой человек:

– Туда нельзя.

– Артем! – крикнула она, помахав рукой, чтобы тот ее заметил.

Вот кого София действительно рада видеть, а ведь при первой встрече приняла его за бандитскую морду. Собственно, Артем от известной категории личностей почти ничем не отличается, но к романтикам ножа и пистолета отношения не имеет. То есть имеет, только он за ними гоняется, выслеживает, ловит и тому подобное, короче, ведет жизнь детектива.

– Привет! – заулыбался Артем, подойдя. – Чего это тебя занесло сюда, да еще без шапки? Отойди, – оттолкнул стража.

С церемониями он не ладит, тем не менее, когда хочет, умеет быть и вежливым, и внимательным, и привлекатель-

ным. Да что там, Артем защищал ее от маньяка с типичным самопожертвованием рыцаря, потом София его защищала, правда, делала это, скорее, из страха остаться наедине с чудовищем. В общем, сроднились.

Иногда София ловила себя на том, что бессознательно хочет нравиться ему, бессознательно, потому что цели такой не ставила, это происходило само собой, вероятно, срабатывал природный женский инстинкт.

– Мимо ехала, вижу – ты руками машешь, вот и решила на огонек заглянуть, – ответила София, потом чуточку приподнялась на цыпочках, но Артем загородил собой весь обзор. – Что там у вас?

– У нас? – Он оглянулся, после чего с улыбкой развел руками. – Труп у нас.

– Да? Как интересно. А посмотреть можно?

– Чего на него смотреть? Труп – он и есть труп.

– Тебе жалко?

– Нет, просто я помню, как тебя вывернуло в морге.

Было дело, но после того...

– А потом я привыкла, – напомнила София. – Покажи. Кто обещал мне сюжеты подбрасывать?

– Ладно, пошли, мы уже все осмотрели, – сдался Артем. – Только в сюжеты труп не пойдет, нет пока никакого сюжета. Предстоит долгий поиск убийц, а он не всегда заканчивается положительно.

– Так это убийство?

– Сама посмотри, но близко не подходи.

Труп мужчины лежал у лесополосы за бугорком, рот был открыт, словно этот человек умер, крича о помощи. Окровавленное горло со сгустками крови не давало четкого представления, как именно его убили.

София осведомилась:

– Чем его?

– Скорей всего, заточкой, – ответил Артем. – Воткнули в горло, потом завезли сюда. Следы колес на снегу отпечатались, а следов ног нет, значит, его выкинули из машины. Знаешь, что такое заточка?

– Знаю, в кино видела.

– Артем! – позвал его мужчина, эдакий колобок на ножках.

Если выстроить всех работников правоохранительных органов на одной площади, то в глаза бросится одна особенность: упитанность. Как при таких комплекциях наша милиция справляется с преступниками? Им же бегать приходится! Мужчина подошел, протянул портмоне и, указав подбородком на труп, сказал:

– Его. В прошлогодних сорняках не сразу заметили.

София сунула нос прямо в портмоне, которое раскрыл Артем:

– Денег нет... Ух ты, права! Пробей его. – Артем протянул права мужчине. – Ну, теперь хоть узнаем, кто он, откуда, где был вчера...

– А его вчера убили? – спросила София.

– Ночью. Провалился здесь весь день, за бугром спрятался. Думаю, валялся бы и дальше, если бы одному дальнобойщику отлить не приспичило. Сделал он свои дела в лесочке, а когда возвращался к машине, заметил труп. Загружаемся! – отдал он команду.

Труп упаковали в черный мешок и перенесли в машину, после еще немного побродили вокруг того места, где лежал убитый, в надежде отыскать что-нибудь полезное – не случилось. София понимала, что навязываться сейчас нехорошо, Артему без нее хлопот хватает, но не идти же пешком:

– Ты не отвезешь меня? Здесь недалеко...

– А куда ж я денусь, – не отказал Артем.

Сели в старую иномарку, он выяснил, куда Софию доставить; тронулись в путь. София практически улеглась на дверцу и наблюдала, как Артем вел автомобиль. Основная масса людей, включая Софию, – а она себя причисляла к основной массе – обладает несколькими качествами, которые выработались с годами, это и есть личная защита на все случаи. В зависимости от того, что превалирует в той или иной ситуации, мы составляем мнение о человеке, но Артем выбивается из стандартов, в нем намешано всего и много, определить, какой он, невозможно. Вообще-то на поверхности стандартный холерик, который подвержен сиюминутным импульсам и не стесняется выражать эмоции, что говорит о недостатке в воспитании. Но это все неважно, главное – можешь ли

ты положиться на человека, а то ведь на словах все верные и преданные, но только на словах.

– Как успехи? Пишешь свои детективы? – завязал диалог Артем.

– Начинаю и бросаю, – вздохнула София. – Не идет, не хватает чего-то необычного... Ай, ладно. Скажи, это возможно – найти убийцу? Кстати, ты говорил «предстоит долгий поиск убийц», значит, этого мужчину убил не один человек?

– Да черт его знает, сколько их было. Гадать не имеет смысла, но думаю, парочка поработала. С этим трупом легче разобраться, а вот о первом вообще ничего не известно, лежит в морге и дожидается, когда за ним придут.

– Первый? То есть был еще один убитый?

– Угу. Тоже в горло, тоже его скинули у лесополосы, правда, в другом районе, но документов при нем не было. А след от женского каблука-шпильки был, всего один. Второй ноги не нашли, поэтому не факт, что след оставила сообщница убийцы. И оба трупа одеты весьма неплохо, выше среднего достатка, заметила?

– Ну, первый труп я не видела, а этот, действительно, одет очень прилично. Когда убивают подряд нескольких женщин, то убийцу называют маньяком. В данном случае убивают мужчин, и, как я поняла, почерк один...

– То, скорее всего, это грабители, – закончил Артем, смеясь.

– Почему смеешься?

– Ты так серьезно рассуждала...

– Это смешно? – обиделась София.

– Нет, что ты! Правильно рассуждала: почерк один.

– Не издевайся. Мне интересно, почему преступники избирают один способ убийства, а не разные?

– Что попало в руки, тем и убивают.

– Попало в руки – когда спонтанно, на бытовой почве, – возразила София. – А если двух человек находят в разных местах, но убиты они одинаково, то это спланированное преступление, я права?

– На сто процентов. Смотри, где остановить.

– Еще чуть-чуть... – отвлеклась София от убийц. – Стоп! Уф, как не хочется идти на пьянку.

– Не ходи, – дал он разумный совет.

– Не могу. – На этот раз вздох оказался протяжнее, следовательно, тяжелее, чем когда речь шла о застое в творчестве. София не выходила, он не глушил мотор и не выгонял – умеет быть вежливым. – Артем, можно я посмотрю, как вы будете искать убийц?

– Посторонним вход воспрещен, – пошутил он.

– Это я посторонняя?! – возмутилась София. – Значит, когда маньяка на меня ловили, я не была посторонней, а сейчас... Где, скажи на милость, мне набраться опыта и знаний, чтобы правдоподобно написать детективную историю?

– Ты ж про девятнадцатый век пишешь, там все было ина-

че, чем у нас.

– Принцип все равно один. Ну, пусть мне твой начальник выпишет удостоверение... м-м-м... внештатного сотрудника.

– Иди к нему и выбивай себе удостоверение.

– И пойду. Думаешь, легко от меня отделаешься?

– Что ты, София, я мечтаю видеть тебя каждый день, особенно на работе.

– Иронизируешь? – фыркнула она. – Два похожих убийства – это не бытовое преступление, не уличные разборки, в них есть интригующая нота.

– Ты выдаешь желаемое за действительное, а на самом деле таких убийств в каждом городе полно.

– Это с твоей точки зрения, а мне интересен процесс поисков.

– Мы можем год искать и не найти.

– С тобой трудно спорить, – заметила она. – Все, я пошла на пьянку, а завтра, вот увидишь, решу проблему в свою пользу.

София вышла из авто и побежала к воротам, нажав кнопку звонка, вспомнила, что забыла в машине перчатки, но Артем уже уехал.

Застолье было в разгаре, все светились беззаботностью, впрочем, люди здесь собрались успешные, которых не беспокоил завтрашний день. Разговоры завертелись вокруг Со-

фии, вернее, вокруг ее нового занятия – писательства. Всех жутко интересовало: с чего это вдруг она взялась за перо, то есть за клавиатуру компьютера. Что тут ответить? Только правду, а она прозаичная:

– Папа идею подкинул.

– Что пишем? – осведомился Бурлак, большой начальник.

– Чтиво, – скромно ответила София, бросив немой укор Борьке: обещал же не трепаться! А он, плюя на бунт в ее глазах, дополнил:

– Она пишет про бабушку, которая жила в девятнадцатом веке и раскрывала стра-ашные преступления.

Нет, Боря не горд за жену, его фраза насквозь пропитана сарказмом.

– А бабушка была следователем и работала в прокуратуре? – проявила полную некомпетентность в вопросах истории Мила, жена Бурлака.

– Нет, она была графиней, – протянул Борька, словно бабушка работала прачкой, а жена выдает ее за аристократку. София начинала злиться.

– Сейчас послушаешь, у всех родственники то графы, то князья, – с безотносительным смешком сказала хозяйка дома Камилла. – А куда делся пролетариат, осчастлививший мир революцией? Кого же тогда истребляли?

– Ну, не повезло мне с родственниками, не отказываться же от них, – развела руками София. – Из пролетариев прижился в нашей семье один Борис.

К счастью, муж увлекся беседой с соседкой по столу, иначе его развезло бы на часовую лекцию о происхождении, которым он гордился, — дед был рабочим, отец — партийным работником. Но тему продолжили другие, наперебой рассказывая о своих предках. София часто думала, что в последнее время большинство людей буквально заболело генеалогией. Конечно, человек должен знать свои корни, это не даст ему снизить личную планку до обывательского уровня, делает ответственным за поступки и, если угодно, помогает не упасть в грязь лицом в тяжелых ситуациях. Но разговоры свелись к примитивному хвастовству: мол, и мы не лаптем щи хлебали; слава богу, хоть литературу отставили.

Мужчины вышли покурить во двор, женщины отправились на кухню — тоже покурить под чашку кофе. Некурящая София последовала в дамский кружок. Зря это сделала, Камилла, закулив тонкую сигарету, спросила:

— Книга вышла?

— Вышла, но я ее не получила, — ответила София.

— И много денег платят за книжки?

— Мало.

— Зачем же тогда писать? — рассмеялась Камилла.

— Отстань от нее, не все измеряется деньгами, — подала голос Дина. — Соня молодец, младше нас всех, но утерла нам нос. Книга не где-нибудь вышла, а в Москве. Уже это достойно уважения и восхищения, но никак не насмешек.

В тоне Дины не слышалось раздражения, но оно чувство-

валось, и лицо выдавало внутренний разлад. София озадачилась: что это с ней, чем обусловлен протест? Дина – юрист, держать марку непробиваемой леди умеет, в споры не вступает никогда, ей разборки в судах хватает.

– Бог с тобой, – заворковала Камилла. – Я рада за нее. Кстати, Соня, почему ты так задержалась? Самое интересное пропустила.

– Труп встретился по дороге, – ответила она.

– Труп? – рассмеялась Камилла, она очень смешливая, но смеется натянуто, неискренно. – Откуда он взялся?

– Просто лежал, убили мужчину. А мой знакомый работает в уголовном розыске, позволил на него посмотреть.

– Бедная, – снова засмеялась Камилла. – Тяжелую стезю ты избрала: смотреть на убитые трупы, думаю, противно.

– Одним козлом меньше стало, – гася сигарету, безжалостно сказала Дина и встала. – Я бы с удовольствием вышла ночью на дорогу отстреливать мужиков.

Она ушла, София подняла брови:

– Что с ней?

– Хм! – игриво опустила ресницы Мила. – Застукала Лелика с бабой. Подумаешь, трагедия! Они все одинаковые, стоит им чуть-чуть подняться и послушать хруст купюр в кармане, сразу бегут за удовольствием на стороне. Нам остается идти по их стопам и щедро дарить им рога. Ради этого не грех и на панель выйти. Должна заметить, что любовь красит даже дурнушек, а в нашем возрасте – тебя, Со-

ня, я не имею в виду – это путь к омоложению.

Муж, конечно, не пьяница, но набрался прилично. София все равно потянула его домой. Когда Боря под большой мухой, его нескончаемо несет на подвиги. Он решил, что в норме, и уселся за руль, раз уж жена настаивала на отъезде. Начались уговоры: да останьтесь, куда ехать в этом состоянии, вас никто не гонит. София была непреклонна: мол, есть элементарный выход – вызвать такси. На чем она и настаивала. Да куда там! Ни один осел не сравнится с упрямством Бори, а она в такие моменты сатанела, только врожденное чувство равновесия, сглаживающее острые углы в отношениях, не позволяло перевести спор в конфликт.

– Скорость десять километров в час, – поставила она условие, садясь рядом с упрямцем, про себя же решила поступить на курсы вождения. – Если тебя остановят, ты лишишься прав на веки вечные.

– На меня ни одна полосатая палка не поднимется, – пробубнил он, заводя мотор. – Я же купил номера.

– Поэтому аварий и полно – покупают права, номера...

– Не зуди, а то не поеду.

– Можешь остаться, я на такси домой вернусь.

– Домой или еще куда заедешь? Кто, кто тебя подвозил? (Борис не допрашивал, а цеплялся). Этот... который от ма-
ньяка сторожил?

– Допустим, он.

– А не допустим?

– Боря, снизь скорость. А не допустим – не он.

Живя с Борькой, София научилась говорить так, что не поймешь, где правда, а где ложь. Муж обычно выбирал ложь, она почему-то ему была ближе к сердцу. Но если раньше София физически ощущала груз лжи, то теперь охотно и без нравственных мучений выдавала мужу очередную порцию вранья.

– Где пропадала так долго? – доставал ее Борис. – Тебя ждали, а ты приехала через полдня...

– Через два часа, – внесла уточнение София. – Борь, тот, кто ревнует, неверен сам, потому что судит по себе.

– Не понял?

– Завтра объясню.

С горем пополам добрались. София долго не могла заснуть – мысли бродили вокруг сюжетов, которые она почерпнула из писем бабушки, но ни один из них не годился на второй роман.

Выспаться не удалось: муж разбудил, требуя завтрак. Конечно, у него есть руки, соорудить бутерброд он в состоянии, но Боря не привык возиться на кухне, к тому же любит завтракать в компании. София разогрела мясо, затем уселась напротив, подперла щеку кулаком и дремала.

– Зачем мне жена, которая спит на ходу? – сквозь дрему долетел до нее обиженный голос мужа.

– Замени жену, – сонно посоветовала София.

– Я подумаю. – Кинув вилку на стол, Борька ушел в при-

хожую.

Вот так на пустом месте он то ревнует, то психует. София не бросилась за ним, извиняясь за нанесенную обиду, в конце концов, если ему нужен повод к ссоре, то пусть им станет ее безразличие к его настроению. А Софии на самом деле все равно, чем обернется невнимание к господину мужу. Между прочим, он может неделю не разговаривать непонятно из-за чего – ужас! В его понимании дом – это когда Борьке хорошо, притом неважно, каково в его доме остальным. Кстати, раньше София жутко переживала, когда он уходил обиженным, наверное, была безумно в него влюблена. Но прошло время, прошло и безумие, любовь переродилась в привычку, муж заменил ребенка, а это не одно и то же...

Боря открыл дверь на кухню, чтобы сказать последнее слово:

– Ты очень изменилась с тех пор, как напечатали твою книгу.

Интонация ругательная, негатива море, брови сведены от гнева. Вдобавок фраза пропитана обвинением и не закончена. София произнесла окончание:

– У меня звездная болезнь.

Он захлопнул дверь. И ладно. Правда, осадок неприятный остался, такой же, какой был, когда Борька уходил, поджав губы, из-за пустяков, а она неслась за ним, чувствуя себя без вины виноватой. Сегодня София сама себя не узнавала: может быть, Боря и прав, она изменилась, почувство-

вав почву под ногами, и прежней – женщиной в тени мужа – быть не желала. Борька обязан считаться с ней и ее интересами, но... М-да, всегда существует подножка: вроде бы все отлично, супер, НО! Однако по сему поводу страдать не стоит, ибо разоблачающее «но» живет абсолютно между всеми людьми и не позволяет им приблизиться к идеалу, наверное, чтобы не угасло стремление к совершенству. Только далеко не всем удастся выдержать испытания. Последнее время и София задумывается: зачем ей это нужно? На данный вопрос лучше не искать ответа, он может не понравиться, а сейчас пора вернуться к планам на день. София торопливо одевалась, собираясь напроситься «постоять в сторонке», и вряд ли ей откажут.

София почти бежала за Артемом, ставя его в известность:

– Разрешил. Да-да, разрешил. Мало того, Ким Денисович предложил мне поработать этим... как его... м-м-м... в пресс-службе, вот! Мое образование позволяет, правда, зарплата маленькая, но я согласилась.

– А как же твой книжный магазин? – бросил Артем на ходу.

– Хм! Я ушла оттуда перед Новым годом. Не понимаю, чем ты недоволен?

Он остановился, руки поставил на бедра и чуть не съел Софию:

– Ты мне будешь мешать.

– Чем?

– Присутствием! – рявкнул Артем, затем пошел дальше. София не ожидала, что он окажется несговорчивее начальников.

– А я довольна! Даже не предполагала, что так повезет, – не отставала от него она. Наконец применила тактику бабушки Марго – лесть: – Артем, ты же не злой, почему хочешь таковым казаться? Я думала, мы друзья...

– Ну, вот что, подруга, – снова остановился он. – Начальник разрешил? Вот и не приставай ко мне. Но учти: раз ты из пресс-службы, будь добра, ни звука не произноси, обра-

щайся по форме.

– По какой форме? – захлопала глазами София.

– Капитан мое звание, так и обращайся.

– Тут никто не обращается по форме...

– А для тебя особые привилегии.

– Ну ладно, буду...

– Есть. Надо говорить: есть, товарищ капитан.

– Издеваешься?

– Немножко, чтобы служба медом не казалась, – ухмыльнулся Артем. – Тебе дай волю, ты тут все с ног на голову поставишь.

– Ну и плохого же ты обо мне мнения!

– Просто я помню, какая ты инициативная.

Ой, сколько напора, сколько иголок – с чего бы это? Может, причина совсем в другом? Иначе как объяснить перепады? То он рад видеть Софию, то не хочет ее присутствия и злится. На кого злится? Не на себя ли?

– Чего ты улыбаешься? – процедил Артем.

– Юпитер сердится, значит, он не прав, – резюмировала София. – Артем... э... товарищ капитан, работа с тобой мне поможет, я же полный дуб. Сама не знаю, как первый роман получился. Ким Денисович с начальником и то вошли в положение, а ты... Пожалуйста, Артем, не будь занудой!

А деваться-то ему некуда, он ведь тоже подчиненный. София побежала оформляться на работу.

К концу дня она просмотрела фото с места нахождения

первого трупа, который обнаружили в кювете, а также подробно изучила отпечаток каблука и нечеткий след ступни. Что удивительно, других следов вокруг трупа не имелось, словно неизвестная персона спустилась с неба и встала на одну ногу, каблук которой погрузился по самое основание в подмерзшую землю – снега неделю назад не было. Разумеется, след – от женского сапога на шпильке, но кому он принадлежал – случайной женщине или сообщнице?

К вечеру стали известны результаты вскрытия второго трупа. Перед убийством он выпил и неплохо поел, а вот рука, проткнувшая его горло и горло мужчины-предшественника, действительно, скорей всего одна. Эксперт подчеркнул особенности смертельного ранения – удар нанесен снизу вверх и чуточку вбок. Отсюда можно предположить, что убийца был ниже ростом и находился в момент удара справа от жертвы, как и в первом случае. А самое главное – оба удара нанесла слабая рука, следовательно, это либо мужчина хлипкого телосложения, либо... женщина. Правда, с мотивами полная неясность, но это пока, как надеялись.

Личность второго убитого установили быстро: Зимовец Герман Олегович, сорок лет, преподаватель института, женат, отец двоих детей – сведения дали в институте по телефону, также сообщили домашний адрес.

София успела все, даже составить подборку для городских газет о происшествиях – три квартирных кражи (одну раскрыли за час, ибо грабителем оказался сосед-пьяни-

ца), одно разбойное нападение и мелкие хулиганства. Решено было дать фото первого убитого на телеканалы, возможно, его опознают, увидев на экране телевизора, ведь заявлений о пропаже мужчины ни в одно отделение не поступало, а родных найти надо. Так и пролетел день, София вышла на улицу, ее встретила ночь, хотя еще вечер. Вдруг перед ней затормозил автомобиль, открылась дверца.

– Садись, подружка.

София упала на сиденье, сняла капюшон и мотнула головой, растрепав волосы, – так она эффектней выглядит. Артем резко тронул авто с места, спросив:

– Как тебе первый рабочий день?

– Устала зверски. Но мне нравится. А ты, товарищ капитан, отошел от недавней злости?

– В неформальной обстановке можешь обращаться ко мне по имени, – разрешил он, посмеиваясь.

– Благодарю за снисхождение. Каждый день будешь отвозить меня домой?

– Это зависит от твоего поведения.

– Ого! – хохотнула София. – Мрачные у меня перспективы. Боюсь, угодить тебе не сумею. Артем, как будешь искать убийцу? Это же невозможно.

– Ну, я не один работаю. А искать будем... как бог на душу положит. – Он покосился на нее и усмехнулся, увидев удивленно распахнутые глаза. – Не веришь? А так и будет. В нашем деле удача играет большую роль. Первое – завтра

поговорю с женой Зимовца.

– А можно я немножко тебе помешаю своим присутствием?

– У тебя своей работы полно.

– На самом деле немного, справлюсь. Так можно?

– Лучше потом расскажу.

– Почему ты не хочешь сделать мне маленькое одолжение? Между прочим, я тебе жизнь спасла...

– Я тебе тоже.

– Тем более. Мы же почти родственники.

– Ха! Родственница нашлась! Ладно, поедешь со мной, но с начальством сама договаривайся.

– Запросто! Артем, ты чудо. Спасибо за доставку.

Она открыла дверцу, поставила одну ногу на тротуар...

– София...

– Да? – обернулась она. Артем протянул ей перчатки. – А я про них забыла... (Она ухватила перчатки, но он не отдавал.) Что-нибудь еще?

– Знаешь, милиция не место для таких, как ты.

– Для каких таких?

Артем сморщился, показывая ей тяжелый мыслительный процесс, который шел в его голове, наконец улыбнулся:

– Не смогу объяснить, я ж не литератор.

– Значит, сам не знаешь. Пока.

Борьки не было дома, София, скинув шубку, кинулась к компьютеру. Она напишет шедевр... ну, если не шедевр,

то увлекательное чтение, главное – воображение разбужено.

Новый роман

«Сонная тишина опутала город. Ни одной живой души, лишь скрип колес нарушал покой. Вдоль улиц высвечивались фонарные столбы.

Она! Сердце Елагина дрогнуло, разгоняя вскипевшую кровь по жилам. Он узнал ее со спины, хотя никогда прежде не видел.

По пустынной мостовой шла женщина в синем жакете с опушкой из меха и в красной юбке, которая в световых пятнах фонарей отливала темным. С ее шляпы на спину струились два длинных черных страусовых пера, вздрагивавших в такт шагам, как нечто живое. Она неторопливо шла по бесконечно длинной улице, шла бесшумно, исчезая в темноте, когда проходила световое пятно, и вновь возникая, подходя к следующему фонарю.

В ее поступи чувствовалась уверенность, будто она царица города, вышедшая проверить, крепко ли он спит.

А вокруг никого – она и глубокая, полная безмятежного покоя ночь. Ночь конца октября, подернутая туманом, сырая и темная. Ночь, она и Елагин Афанасий Емельянович, потомственный купец, пустившийся на поиски неуловимой, окутанной легендами незнакомки. Вот уже две недели почти каждую ночь он искал ее – и нашел.

– За ней! – приказал Елагин извозчику.

Вдруг под следующим фонарем она не появилась. Извозчик придержал лошадь, Елагин соскочил на землю и заозирался, мечась по улице. Куда она подевалась? Была – и не стало...

Маргарита Аристарховна, оттанцевав польку, чуть задышавшись, подлетела к мужу, который с высоты своего роста недовольно покосился на нее. Статский советник граф Ростовцев Николай Андреевич, тридцати восьми лет от роду, был поистине величествен, аристократ от кончиков волос до кончиков ботинок. Красивый, элегантный и строгий, он всегда держался с завидной уверенностью, не позволяя себе суеты ни в чем.

Зато жена – полная противоположность: непоседлива, эмоциональна, что никак не соответствовало ее положению. Она хороша собой – миниатюрная, с девичьей фигурой, с великолепными зеленоватыми глазами и каштановыми волосами, но... Глядя на нее, можно подумать, будто она юная девица – из тех, кто всячески протестует против традиций. За семь лет супружества она утомила его непредсказуемостью, это не женщина, а вулкан – никак не остепенится. Она забывала, что уже немолода – двадцати пяти лет от роду, носилась, будто юная особа, примерно, как в этот вечер на балу. Не так давно она вернулась из имения брата, где провела все лето с сыном, вернулась неузнаваемой –

задумчивой, тихой. Николай Андреевич обрадовался, видя в жене перемену, и предположил, что на нее благотворно повлиял старший брат. Но стоило ей попасть на бал... Да на лице Марго ясно обозначено, чем заняты ее мысли, – куда это годится? Она даже танцевала, не скрывая удовольствия, получаемого от танцев, чем и вызвала недовольство мужа. Воспитывать жену бесполезно: последует вспышка гнева с ее стороны, затем ссора. Он не любитель потрясений, однако выговор непременно сделает, когда они приедут домой.

– Николя, ты говорил с Виссарионом Фомичом?

Ну вот, в глупенькую головку жены пришла новая безрассудная идея, вызвав чуть ли не нервный тик у Николая Андреевича.

– Марго, ты хочешь поднять нас на смех?

Он сказал это, придав голосу шуточный оттенок, но, по сути, налагал запрет на причуду жены. Но Марго запретить что бы то ни было – легче луну достать с неба. Она из упрямства будет добиваться цели, и это раздражало. И точно: вздернула остренький нос, зеленые глаза потемнели – они-с изволили разгневаться.

– Я тебя никогда ни о чем не прошу, – заговорила она опасным тоном, сулившим выяснение отношений, разумеется, дома. Неожиданно Марго заносчиво усмехнулась: – В таком случае просто представь меня ему. (Муж нахмурился.) Представь, – требовательно повторила она.

– Изволь, дорогая, – процедил он, предлагая руку. Все,

терпение окончательно лопнуло, но Николай Андреевич не подал вида.

Виссарион Фомич – начальник сыскной полиции, туда-то и мечтала проникнуть Марго. Приближаясь к Зыбину, она подавила волнение, в уме выстраивая тактику своего поведения. Она собиралась поставить его в положение, когда он в силу своего воспитания не сможет отказать.

Шестидесятилетний Виссарион Фомич – невысокий, очень тучный человек с мясистым и крупным носом, маленькими глазами, густыми бровями и толстыми губами. Редкие седые бакенбарды, достающие до плеч, как и выступающий живот, делали его смешным – эдакий сказочный гномик. Однако гномик, по слухам, бывал зол и груб, ругался при подчиненных, как извозчик. Тем не менее он славился умом и пользовался уважением.

– Позвольте вам представить, Виссарион Фомич, мою жену Маргариту Аристарховну, – сказал Ростовцев.

Толстые губы Зыбина расплзлись в улыбке, он поцеловал ручку даме и заворковал басовитым голосом:

– Весьма польщен, ваше сиятельство.

– Ах, Виссарион Фомич, давно мечтала с вами познакомиться. – Марго взяла его под руку и увлекла на променад по залу, сделав незаметный знак рукой мужу: мол, свободен. – Я столько слышала о вашем умении, о вашей находчивости, смелости и уме, что засомневалась: неужто все эти достоинства уживаются в одном человеке?

– Эдак я распухну от важности да и лопну, – пошутил он. При всем при том слова молодой женщины согрели ему душу.

О, лесть – чудотворнейшая вещь, главное, чтобы не была она фальшивой и произносилась вовремя. Марго умела пользоваться лестью, преподнося ее с искренностью и к месту. Она поставила задачу произвести хорошее впечатление на Зыбина, иначе он откажет. Рожденный в начале столетия, это был человек старой закваски, не принимавший новшеств стремительно летящего века. Например, не благоволил к женскому полу, рвущемуся к равноправию, а в его доме, по слухам, царил домострой во всей красе Средневековья. С ним следовало держать ухо востро и ни в коем случае не настроить его против себя, в то же время нельзя уронить и своего достоинства. Марго спросила:

– Скажите, Виссарион Фомич, сыскное дело слишком трудное?

– Хм, – слегка пожал он плечами. – По-разному случается. Бывает, дело кажется наипростейшим, а тратишь на него месяцы. А бывает, в три дня находим преступника-с.

– Вы находите, – уточнила она, опять польстив ему.

– Под моим началом, ваше сиятельство, много людей трудится, все они, так или иначе, мне помогают.

– Не скромничайте, вы стали легендой. (Он все же покраснел от удовольствия.) А что, в городе много ли совершается преступлений?

– Пока затишье, – кратко ответил он. – Так, мелкие кражи да всякие негодяи бомбами кидаются.

– М-да, бомбы – это ужасно, – озабоченно вздохнула Марго. – Недавно возле нас взорвалась извозчичья коляска.

– Знаю-с, один негодяй смастерил бомбу, вез ее на извозчике, а она возьми да и взорвись. Повезло тому, кому эта бомба предназначалась.

– А нельзя ли взглянуть одним глазком, как вы работаете, сударь? – пошла в открытую Марго.

Он приостановился и посмотрел на нее, не скрывая изумления, затем сказал уже другим тоном, более официальным:

– Весьма странный интерес, ваше сиятельство.

И совсем не странный. У брата в имении она столкнулась с редкой историей, связанной с убийствами, казалось бы мистическими. Местная полиция с ног сбилась, а Марго сначала из любопытства вмешалась, потом увлеклась, а после остановиться уже не могла, так как и брат оказался в опасности, можно сказать, она одна раскрыла чудовищные преступления. Об этом муж не знал, она не посвятила его. Но, вновь столкнувшись со скукой и днями, как капли воды похожими друг на друга, она надумала хотя бы понаблюдать, как трудятся в следствии. Ей нужно было занять себя, потому что имелась еще одна причина, о ней Марго старалась не думать, очень старалась.

– Возможно, странный, – задумчиво произнесла она. – Но так хочется посмотреть на необычных людей, которые

живут без славы, а дело делают огромное, нужное.

– Неужто вам нечем заняться?

– Ну, разумеется, есть, – мило улыбнулась она. – Наряды, драгоценности, сплетни. Чем не занятия?

– Фортепьяно, – подсказал он, не уловив иронии в ее словах, или прикинулся, будто не уловил.

– Стало быть, вы мне отказываете? – Она умела поставить собеседника в затруднительное положение.

Марго явно испортила Зыбину настроение, он, находясь перед выбором – отказать или удовлетворить каприз, насутился, выпятил вперед толстые губы. Жене статского советника отказать нелегко, про себя он посетовал, что мужья распустили жен, вот те и суют остренькие носики в чужой огород. Пожалуй, следует отказать, но учтиво, с прелюдией:

– Отчего же, сударыня...

– Благодарю вас! – слишком живо отреагировала Марго, раскусив его тактический ход, который он не успел осуществить. – Вы удивительный человек. Нынче не всякий отнесется с уважением к интересам дамы, а вы... вы другое дело.

Опять лесть. И он раскусил ее, потому что уже не распух от удовольствия, а прибегнул к запугиванию:

– Однако, ваше сиятельство, вы, паче чаяния, в обморок упадете, коль увидите, к примеру, кровь. А трупы так и во все безобразные встречаются, после ночами даже приставам снятся.

Кого напугать решил – Марго?

– У меня нет привычки падать в обмороки, да и трупов я не боюсь, – не оправдала она его надежд. – Значит, договорились, Виссарион Фомич? Едва случится тяжкое преступление, вы тотчас пошлите за мной. Не волнуйтесь, я только в сторонке постою да погляжу, вам не помешаю.

– Добро, сударыня, – недобро нахмурился он.

Ростовцев удалился в комнату отдыха, где находились одни мужчины, которые тоже любили посплетничать не менее женщин, однако называли это «беседой в узком кругу». Круг, действительно, был узок, по чистой случайности в комнате отдыха собрались приятели Ростовцева в очень незначительном числе – трое. Возраста примерно все одного, кроме Баенздорфа, который был старше лет на пятнадцать, а то и более. Войдя, Николай Андреевич услышал последние фразы, произнесенные Белевым:

– А привлекает загадка. Она почти неуловима, таинственна и далека.

– О чем речь, господа? – полюбопытствовал Ростовцев.

– Вы разве не слышали о таинственной незнакомке, взбодоражившей мужчин? – ответил вопросом на вопрос самый молодой – тридцатилетний Казарский.

– Не слышал, – сказал Ростовцев, опускаясь в кресло.

– В городе объявилась женщина, кто она – никто не знает, – говорил Белев, притом глаза его блестели азартом, как за ломберным столом. – Гуляет по улицам ночами, и,

представь, ее можно взять на ночь.

– Ах, так это уличная девка! – презрительно бросил Ростовцев.

– Не скажи, – протянул сорокалетний отец семейства Белев, отличавшийся тихим голосом, тихим характером и тихими манерами. – Она не уличная девка, она уличная богиня. Один мой знакомый провел с нею ночь и говорит, что ничего подобного с ним в жизни не случилось. Пardon, мы здесь в тесном кругу, оттого позволю себе говорить откровенно. Она... – Он еще понизил голос, перейдя на полупшепот. – Она не просто отдается, словно дешевая девка, она любит в это мгновение и страстно желает мужчину. Представь, что из этого следует.

– Ловко и умно разыгрывает страсть, – отнесся скептически к восторженным словам Ростовцев. – Деньги берет?

– Берет, – кивнул Белев. – Но не каждого одаривает собою.

– Что значит – не каждого? – спросил Ростовцев.

– Не со всяким пойдет, лишь с тем, кто ей по нраву придется. – Пренебрежительный ответ принадлежал Баенздорфу. Кажется, он тоже не увлекся слухами о девице легкого поведения.

– Да-с, господа, не с каждым, – подтвердил Белев и мечтательно продолжил: – Думаю, возраст играет в ее выборе роль. Она изысканна, трепетна, с упругим молодым телом. Почти не говорит, а коль говорит, то шепотом. Не велит зажигать огня, все происходит в темноте, но, господа, эта жен-

щина знает толк в любви.

– Помилуй, может, она дурнушка, – захихикал Баенздорф. – Оттого и любит темноту, чтобы никто не увидел, как она безобразна.

– Ошибаетесь, – с жаром, что вовсе не соответствовало его репутации тихони, возразил Белев. Так на то и поговорка: в тихом омуте черти водятся. – У нее нежное лицо, губы, что лепестки, руки, словно...

– Ты, друг мой, знаком с ней? – ехидно спросил Баенздорф.

Ростовцев спрятал усмешку за наклоном головы, но его усмешка предназначалась Баенздорфу, которому осталось лишь вспоминать о сладком грехе, оттого он исходил желчью.

– Нет! – воскликнул Белев, а все пришли к выводу, что он успел отведать разврата. – Мой знакомый рассказывал, я всего лишь передаю его впечатления.

– Где ж она бывает? – задумчиво произнес Казарский, будто собирался немедленно кинуться на поиски девицы.

– Отыскать ее весьма затруднительно. Мой знакомый охотился за нею три недели, – ответил Белев со вздохом сожаления. – Но был вознагражден сполна. Говорит, дама горяча, а фантазии ее безграничны. Вы меня понимаете?

– Будет вам об уличной гризетке весь вечер толковать.

Ростовцев огляделся по сторонам. В дальнем углу, в кресле, закрытый тенью, сидел еще один мужчина – Долгополов.

Николай Андреевич не был дружен с ним, а тут такая интимная тема, которую прилично обсуждать лишь с приятелями, да и то не со всеми. Долгополов продолжил тоном женоненавистника:

– В домах терпимости подобных женщин не перечесть. Эта отлична лишь тем, что умна. Как завлечь мужчин? Создать ореол загадочности, скрываться в темноте, тем самым притягивать даже господ, чтобы они платили ей больше, нежели в публичных домах. Загадки стоят денег.

Ростовцев хотел встать и уйти, но тему сменили. Николай Андреевич заметил, что дух прежнего разговора остался, так как присутствующих отличала рассеянность, будто мыслями они находились где-то на улице.

Тем временем Марго, оттанцевав с юным кавалером, который приглашал ее уж четвертый раз и порядком надоед дурацкими комплиментами, нашла повод от него избавиться. Увидев Долгополову, извинилась перед ним и подплыла к ней:

– Добрый вечер, Прасковья Ильинична.

– Ах, это вы, Маргарита Аристарховна, – улыбнулась та.

От наблюдательной Марго не ускользнуло, что Долгополова грустна, и это на балу! Когда-то она слыла первой красавицей и довольно долго удерживала корону. По ней сходили с ума, из-за нее стрелялись, но она была преданна мужу, который, женившись на ней, вытащил ее из нищеты. Ранее

Прасковью Ильиничну отличал веселый нрав, а порочных связей за ней не числилось, как бы сплетники ни старались ее уличить. Не присущая Долгополовой грусть удивила Марго, хотя чему удивляться? Прасковье Ильиничне сорок два, считай, старуха, хотя она и сохранила красоту, на свои года не выглядела, да только в этом возрасте все одно – не до веселья.

– Отчего вы грустны? – спросила Марго.

– Разве? – Женщина сменила маску на более светлую. – Я немного задумалась.

– О чем же?

– О том, как скоротечно время. Кажется, еще вчера я блистала на балах, а нынче... Ах, время, жестокое время.

Она остановила взгляд на нынешней первой красавице – Нагоровой. Так смотрят матери на выросших детей – с печалью и нежностью. Статная, юная и прекрасная Нагорова танцевала в центре зала, но от нее веяло царственной прохладой и надменностью, она знала себе цену и собралась в Петербург, где женихи более высокого полета.

– Хороша, глаз не отвести, – произнесла Марго.

– Хороша, – без зависти согласилась Прасковья Ильинична и перевела взгляд на нее. – Вы, Маргарита Аристарховна, ничуть не хуже, к тому же в вас есть шарм, а без этого красота наполнена пустотой.

– Благодарю вас.

– Не стоит, я не комплимент сказала, а правду.

Их общество разбавили две дамы, одну из них – Вики Галицкую – Прасковья Ильинична по неизвестным причинам не жаловала. Показать свое отношение – верх неприличия, Долгополова и не показывала, была сама приветливость, но Марго почувствовала, как она натянулась, когда та подошла.

– Как вам бал? – спросила Вики. – По мне, так скука смертная.

– Да что же ты хотела, голубушка? – приподняла плечи ее спутница, заурядная во всех отношениях. – Это всего лишь бал, заранее известно, что тут будет. Вот в Петербурге...

– Поглядите, как Нагорова плывет, – перебила ее Галицкая. – Горда! Ходят слухи, будто из-за нее застрелился один поручик. По мне, так слух распустила ее маменька, чтобы вокруг дочери разговоров была уйма.

– Скажу по секрету, – заговорила шепотом ее спутница, – она глупа без меры... Так говорят.

– Неужели? – рассмеялась Марго, подозревая, что глупа не одна Нагорова. – Глупость при ее приданом не столь страшна.

– Верно, – рассмеялась и Долгополова.

Бал закончился под утро. Николай Андреевич по приезде домой начал было пенять жене за неумное веселье и приставания к Виссариону Фомичу, да Марго, фыркнув, улеглась на край кровати и повернулась к нему спиной.

Два дня спустя Виссарион Фомич, придя на службу, только-только уместил тучный зад в кресло, которое стало мало, оттого причиняло неудобства, как вдруг сообщили: найден труп мужчины. Зыбин такие дела не пропускал, самолично ездил на место происшествия, когда же дело не представлялось сложным, поручал его подчиненным.

Он с трудом вытащил зад из кресла – подлокотники будто не пускали – и отдышался. Отчего-то втискиваться в него проще, чем выбираться, особенно при подчиненных и посетителях нехорошо вставать с натугой. Надо бы давно новое купить, в список необходимых приобретений кресло внесено, да начальство денег никак не давало. Идя к двери, он вспомнил о просьбе графини Ростовцевой на балу, а также о данном слове и, вернувшись к столу, написал записку: «Ваше сиятельство, случай подоспел, убит неизвестный господин...» Написав адрес и подписавшись, он сложил записку, ворча под нос:

– Натё вам, ваше сиятельство, труп-с, коль вас это занимает. А я с удовольствием погляжу, как вы в обмороке будете валяться.

Записку отдал писарю, тот живо убежал, молодой потому что. А Виссарион Фомич стар. Всякий сопляк, мечтавший занять его место, так или иначе напоминал ему о седицах. Дудки! Никуда он не уйдет, есть еще порох в пороховницах! Зыбин накинул шинель и отдал приказ караульному позвать извозчика.

Марго примчалась в тот момент, когда он сходил на землю, опираясь о борта коляски. Увидев графиню, он недовольно скривился, но поприветствовал ее:

– Мое почтение, ваше сиятельство. Быстро вы управились.

Марго поздоровалась, но руку для поцелуя не подала, пусть он знает, что здесь она не графиня и не женщина, здесь она такая же, как все. И пусть привыкает к ней. Раз позволил попасть на место преступления, то теперь никакими силами не удалит ее от себя. Их встретил полицейский и провел в обычный двухэтажный дом, разделенный на квартиры, где проживали мещане.

Поднялись по узкой лестнице, вошли в комнату, там находились еще двое полицейских и две женщины. Марго решила не путаться под ногами, не раздражать лишний раз Зыбина, встала у двери и принялась наблюдать.

– Ваше высокоблагородие... – Полицейский вытянулся, собираясь доложить обстановку, и жестом указал на женщин. Но Зыбин оборвал его:

– Опосля! Ну-с, где труп-то? – И покосился на Ростовцеву.

Ох, не любитель он всяких обмороков с истериками, слез и прочих женских фокусов! Однако ее сиятельство стояла и смотрела на кровать. Не падала. А еще графиня! Виссарион Фомич недовольно поджал губы и зашаркал к трупу.

Мужчина лежал поперек кровати, свесив ноги, и был по-

луодет – в брюках и наполовину застегнутой рубашке...»

Вопрос желудка у Бориса на первом месте, когда он является домой:

– Что мы будем кушать?

– Друг друга, – ответила София, допечатывая последние строки. Она старалась не отвлекаться.

– Оригинальное блюдо, – процедил Борис. – У тебя весь день свободен, неужели трудно оторваться от ноутбука и встретить мужа по-человечески?

– Подожди еще немножечко, мысль боюсь упустить...

– Черт знает что! – буркнул Боря и поплелся в душ.

Ужин на скорую руку София приготовила за считанные минуты, так что, когда муж вышел из душа, ему не к чему было придраться. Вообще-то он сносный, если сравнивать его с другими мужьями, просто занудный, но это не столь существенный недостаток, поэтому София терпимо относится к его вывертам. Борька требовал поесть, а сам ковырял вилкой пельмени, тогда как София ела с большим аппетитом. Случайно взгляд упал на часы, она ахнула:

– Боря! Два часа ночи! Где ты был?

– Извини, не предупредил, закрутился. Обмозговывали новое дельце, потом обмыли в кабаке.

– Значит, ты не голоден? Зачем же требовал ужин?

– Ужин дома для меня ритуал. Священный. Но полуфаб-

рики в этот ритуал не вписываются. Чем ты занималась? Неужели весь день проторчала за компьютером?

Настала минута, когда следовало преподнести пренеприятную новость, и лучше это сделать сразу, не откладывая на потом:

– Не весь, – сказала София. – Я устроилась на работу.

– Да? – скис Боря. – На какую?

– В пресс-службу милиции.

– Куда?! В мили?!.. – обалдел он. – Моя жена – мент! Нечего сказать, опустилась. Туда идут самые тупые, кого никуда не берут, даже в грузчики.

– Между прочим, тупые менты спасли твоей жене жизнь.

– Именно тупые: одного подонка целый год не могли поймать! Там только ментовские подстилки работают. Что, на мужиков потянуло?

– Боря, прекрати оскорблять меня, – вспыхнула София. – Мне нужна эта работа, я хочу изнутри посмотреть на то, о чем пишу, тем более что работать буду фактически по своей специальности журналиста.

– Авторы чтива придумывают истории, вот и ты придумывай. Зачем тебе наши менты, которых не было до революции? Да мне стыдно сказать, что моя жена...

– Боря, не бесись, я буду там работать.

– Лучше бы ты сторожила книжки от покупателей. Я – спать.

Возмущению Софии не было предела, но папа – мудрый,

замечательный человек – учил ее выжидательной политике, ибо в запале легко натворить такого, о чем впоследствии пожалеешь. Да, точка кипения есть у всякого нормально-го человека, в данном случае кипение закономерно. Мужа устраивает положение, когда жена никто и ничто, а это тоже своего рода тирания, хоть и без мордобития. Пока София не видела выхода, за семь лет Борька умудрился внушить ей, что без него она либо по рукам пойдет, либо останется одна на веки вечные. Примерно четыре года довлел над ней страх потерять его, потом страх притупился, потом Софией завладела апатия ко всему, а сейчас она просыпается.

София ушла в кабинет Борьки, который успешно оккупировала, улеглась на диван и долго думала, как быть. Просыпание грозит переменами, а перемен боятся все люди, так как не уверены, что их жизнь изменится к лучшему.

Домашняя – такое определение дала София жене Зимовца. Лицо невыразительное, фигура расплылась, а ведь она не намного старше Софии. А еще у этой женщины на лбу было написано: пеку пироги, варю борщи, обожаю семейство. Вот бы Борьке такую жену! Конечно, Вера Ивановна была убита внезапным горем, но при всем при том не отказалась поговорить с Артемом.

– Мы запишем ваши показания? – спросил он разрешения.

– Записывайте.

Артем сунул Софии авторучку и папку с бумагой:

– Пиши.

– Что? – опешила та.

– Шапку я нарисовал, а ты пиши все, что услышишь. Ве-
ра Ивановна, как собирался провести ваш муж пятнадцатое
января?

– Как обычно, то есть на работе, – ответила женщина. –
Уехал с утра к девяти в институт, приехал на обед и снова
уехал. Вечером позвонил, что вернется поздно, его обязали
присутствовать на банкете. Кафедра выиграла грант, решили
отметить. Больше он не звонил и домой не вернулся.

– Уехал... приехал... У него есть автомобиль?

– Да. Недавно Герман поменял машину, приобрел «нис-
сан» прошлого года выпуска... А автомобиль вы нашли?

– Мы даже не знали, что он был на колесах.

– То есть его вы нашли, а машины не было? – И тут в ней
заговорила практичность: – Что же мне делать? За машину
мы полностью не расплатились, а мне одной никогда не вы-
платить кредит.

– Постараемся найти автомобиль, – пообещал Артем. –
Значит, ваш муж был на банкете с коллегами?

– Да.

– А как у него в институте дела шли?

– Когда как. Это же гадючник, преподаватели подсижи-
вают друг друга, каждый хочет свое место сохранить, жела-
тельно за счет коллеги.

– Значит, у него и враги были?

– Враги у всех есть, даже у меня, домохозяйки, но не думаю, что его убили из-за институтских интриг. Там до этого никогда не доходило, достаточно съесть коллегу, чтобы его уволили.

– Деньги при нем были?

– Герман без денег не выезжал.

– Сколько?

– Точно не могу сказать... тысяч пять-шесть у него всегда имелось.

– А еще что ценного было?

– Телефон считается?

– Смотря какой.

– У Германа дорогой телефон.

– Понятие «дорогой» – относительное. Для кого-то две тысячи большие деньги, а кому-то десять тысяч кажутся копейками. Стоимость какая?

– Двадцать тысяч.

– М-м-м... – выпятил губу Артем. – Круто. А еще что?

– Золотой перстень с агатом на мизинце. Вроде бы все.

Вопросы Артем задавал короткие, Софии несложно было их записывать, как и ответы:

– Друзей из коллег имел?

– Среди коллег иметь друзей опасно, они сегодня в рот заглядывают, а завтра петиции против тебя подписывают. Но с одним Герман состоял в приятельских отношениях.

Его фамилия Сирин, мне он не нравился.

– Чем же?

– Скользкий. Глаза у него всегда виноватые, в лицо почти не смотрит. Как вы будете думать о таком человеке?

Артем записал фамилии друзей, затем достал фотографию первого убитого, протянул Вере Ивановне:

– Посмотрите хорошенько: этот человек вам знаком?

Она достаточно внимательно рассмотрела фото, чтобы не сомневаться в правдивости ее слов:

– Этого мужчину я никогда не видела.

Дворники разгребали мокрый снег, залеплявший стекло, колеса буксовали, авто слегка заносило на скользкой дороге, а пасмурное небо превратило день в сумерки. В такую погоду клонит в сон, но Артем не подумал, что София такая вялая из-за погоды.

– Прошла эйфория? – спросил он.

– М-м-м? – встрепелась София. – Нет, я думаю.

Не рассказывать же ему об осложнениях с мужем, возникших из-за новой работы, – Борька с утра с ней не разговаривал.

– Думать тут нечего, – сказал Артем. – Ты ждала чего-то необычного, а попало разбойное нападение с целью угона автомобиля и ограбления.

София пару минут изучала его, затем заметила:

– Ты не договариваешь.

– Потому что сомнение есть. Видишь ли, София, как правило, угонщики не идут на убийство, им достаточно заполучить машину, профессионалу сделать это – раз плюнуть. За угон дадут меньший срок, если поймают, что далеко не всегда случается. А убийством органы занимаются вплотную, отсюда – риск большой.

– Себе же и противоречишь, по твоим словам выходит, данный случай не столь уж прост.

– Я просчитываю все варианты, чтобы потом не свалилась на голову неожиданность.

– При Зимовце были те вещи, о которых говорила его жена?

– Телефон и перстень? Нет. Кстати, интересная штука: он преподаватель в институте, доход, насколько мне известно, имеет небольшой, а колеса приобрел офигенные. И труба крутая – двадцать тысяч не каждый за мобилу отвалит.

– Преподаватели вузов умеют зарабатывать.

– Да? И как же?

– Подготовка в институт, за уши тянут нерадивых студентов, то есть репетиторством занимаются, ну и взятки берут. Раньше спрашивали: «На сколько сдал экзамен?», а сейчас: «За сколько сдал?» Студенты во время сессии платят за каждый экзамен лично преподавателю, если не хотят учить предмет. А бывает и так: учи или не учи – все равно плати. Я знаю по детям знакомых. Куда мы едем?

– В цитадель знаний и взяток – в институт. Чувствую,

и первый труп был на колесах в момент убийства.

– А куда преступники машины дели? Это же прямые улики, на что они рассчитывают?

– С этим делом проблем нет. Перекрасил, номера на деталях перебил, если это крутая тачка, а потом ее долой из города.

– Значит, машина Зимовца еще в городе.

– Думаю, пока да, но где ее искать? Некоторые автолюбители делают в потайном месте метку, чтобы легче было найти автомобиль в случае угона. Но и такие меры редко помогают, потому что на выездах из города машины тщательно не осматривают. Зимовец меток не ставил, ты же слышала. Бизнесом в свободное от работы время не занимался, врагов как таковых не имел. Я надеялся, что его жена узнает первый труп...

– Ты думал, они связаны?

– Надеялся. Убиты-то они одним способом, но жена всех дел и знакомых мужа может не знать. Найти бы концы первого трупа, авось прояснилась бы ситуация.

В институте информации получили мизер: банкет продолжался до часу, Зимовец ушел раньше на час, ушел скромно, по-английски. К сожалению, Сирин находится в командировке, приедет через пару дней. Оставалось ждать. Идя к машине, Артем недоумевал:

– Не по дороге же он подобрал убийц! Кто станет подвозить ночью голосующих? Зимовец не кретин, как-никак до-

цент.

– Он же выпил, – сказала София. – Под хмельком притупляются инстинкты, человек себе кажется неуязвимым.

Артем открыл дверцу. Когда София уселась, он захлопнул дверь и обошел авто. Нехарактерное поведение для современного мужчины, отметила про себя София, даже Борька, претендующий на цивилизованность, не открывает жене дверцу.

Два дня в суете прошли незаметно. Впрочем, когда загружаешь себя, то, как ни странно, времени хватает абсолютно на все. Софии нравилось находиться при деле, к тому же у нее был свой маленький кабинет с компьютером и телефоном. Ощущение значимости не проходило. На третий день, когда она собиралась отправиться с Артемом в институт к Сирину, позвонили из оперативной части:

– София, тут, кажется, к тебе гражданин ломится.

– Ко мне? – удивилась она. Кто к ней может ломиться, она же всего ничего здесь работает. – А по какому поводу?

– Долдонит про рекламу по телику.

– Ну, ладно, я сейчас подойду.

Ух, как стало интересно, что за гражданин к ней пожаловал. София просто бежала к нему. Естественно, сразу догадалась, что пожилой мужчина в сером полупальто пятидесятых годов прошлого века и есть тот, кто добивался с ней встречи. Она подошла ближе:

– Вы ко мне?

– Может, к тебе, – пожал он плечами. Лицо неухоженное, волосы седые и взлохмаченные, на скулах щетина, в общем, доверия не внушал. – Я из-за рекламы.

– Простите, какой рекламы?

– Ну, что по телику крутят. Сказали адрес, я пришел.

– А что в той рекламе было? – не понимала София.

– Ну как же, – вытаращился он. – Витька там был.

– Какой Витька?

– Так это... вы ж его нашли. В рекламе так и сказали: «Найден труп мужчины, всех, кто знает...»

– А-а-а! – протянула София. – Поняла, поняла. Да-да, вы правильно... Идемте со мной. – По пути к кабинету она набрала номер на мобильнике и сообщила: – Артем! Свидетель пришел.

– Какой свидетель?

Еще один не понимает, что к чему.

– Первый труп узнал по нашей фотографии, которую я отвозила на телеканалы. Мы идем ко мне...

– Бегу, бегу! Ты, главное, не потеряй его.

София указала гражданину на стул, тот сел, сгорбился и уставился на нее: мол, спрашивай, я готов отвечать. А что ей спрашивать?

– Сейчас придет товарищ капитан, он занимается этим делом, – смущенно оправдалась София.

– Ничего, я подожду.

Через пять минут в кабинет ворвался раскрасневшийся Артем, подхватил стул, поставил его перед мужчиной и шмякнулся на него. Некоторое время он рассматривал прищельца, затем улыбнулся:

– Значит, вы знаете этого человека? – показал фото.

– Ага. Витька это, сосед мой. Я с ним в одном жакте живу, у меня две комнаты, а у Витьки пять. Там еще есть квартира из одной комнаты, но соседка померла, родственников у нее нету. Я все думал, куда Витька подевался? С работы приезжали, спрашивали, а я ничего не знаю. И вдруг ваша реклама...

– Фамилия Витьки какая?

– Жмайлов.

– Чем он занимался?

– Торговлей. Пиротехника у него, мелочи всякие. Хороший он мужик, мне к пенсии подкидывал денег, а я ему машину ремонтировал, я умею.

– Верю, – улыбался Артем. – Значит, у него машина есть?

– Ага. Джип и «газель», на «газели» он товар привозил, то есть не он, а его водитель.

– А гараж где?

– У нас во дворе.

– Так, так, так, – потирая подбородок, проговорил Артем. – И сейчас обе машины там стоят?

– «Газель» стоит. Я один раз открыл, пацан с Витькиной работы забрал ее, но вечером привез обратно.

– А джип стоит? Кстати, какой марки?

– Хорошей марки, – перебирая кепку пальцами, сказал мужчина. – Японской. Джипа в гараже нет.

– А где он?

– Так на нем Витька ездил, никуда он без джипа, даже за хлебом на колесах.

– Вы не знаете, куда он ездил перед тем, как пропал?

– Откуда ж мне знать? Он мне редко докладывал: мол, уезжаю туда-то, будут спрашивать, скажи, Ионыч... Это меня так зовут: Семен Ионыч.

– Ну а что он за человек был?

Из длинного рассказа Ионыча, который перемежался пространными отступлениями, выяснилось, что Жмайлов два года назад развелся с женой, купил ей и детям квартиру со всеми удобствами, сам же остался жить в жакте. С женой не общался, деньги на детей пересылал по почте, с детьми не виделся из-за нее же, жены, – злющей стервы. Получив свободу, Витька, тридцати четырех лет от роду, от счастья не знал, куда себя деть. Месяц на радостях обмывал развод, потом за ум взялся. Второй раз и не думал жениться, крестился: мол, избави бог, хотя девушки к нему липли. Но как только Витька понимал цель подруг, прогонял их безжалостно, потом и вовсе стал пользоваться услугами шлюх.

– Проституток? – уточнил Артем, а то ведь шлюхи тоже разные бывают, даже замужние.

– Ага, ихними, – подтвердил Ионыч. – Им деньги запла-

тил, они исполнили любой каприз да ушли.

– Домой приводил? – спросил Артем.

– Бывало домой, а то и на дороге прямо, ну, в джипе. После Витька делился со мной впечатлениями, говорил, шлюхи лучше жен, они никогда не отказывают, а секс обеспечивают со всеми вашими пожеланиями...

София, учитывая требования Артема, помалкивала, но после рассказа Ионыча внутри у нее что-то толкнулось, заставив замереть, словно она боялась потерять едва уловимую нить, ведущую к развитию сюжета. Какая разница, что послужило поводом, главное – она уже видела убедительные картины, которые станут основой...

Ее детектива

«Лица Марго не видела, как ни вытягивала шею. Секунду спустя Зыбин загородил труп собственным круглым телом. Она огляделась.

Комната большая и светлая, обставленная скромно. На диванчике с потертой обивкой небрежно брошены пальто, сюртук и шляпа с перчатками, рядом на полу валяется трость – вещи дорогие. Посредине стол, накрытый вышитой скатертью с кистями, вокруг стулья с круглыми спинками, у окон жардиньерки с цветами. Тумбочка у кровати, там же, на полу, чуть сдвинутый коврик. Женщины сидели у стола, полненькая плакала, утираясь платочком.

– Кто его нашел? – повернулся к ним Зыбин.

– Я-с, – поднялась моложавая женщина. – Убираться пришла, меня господин наняли, а дверь не заперта. Я вошла и увидала их. Трясла-трясла, а они никак... А как поняла, что они мертвые-с, закричала и...

– Ясненько, – сказал он. – А чья квартира-то?

– Ох, моя, – захныкала полненькая женщина, чуть постарше первой. Указав глазами на труп, рассказала: – Они-с квартиру сняли, а жить в ней не жили, правда, платили исправно каждую неделю.

– Давно ли он снял квартиру?

– Тому три месяца. Завтрева как раз.

– Так-таки никто не жил? Для чего ж квартиру он снял?

– То мне неведомо, – плаксиво протянула она.

– Имя с фамилией знаешь?

– Мое? – вскинула глупые глаза хозяйка квартиры.

– Его, – рявкнул Виссарион Фомич.

– А, ну да. Бубнов Иван Иванович. Такой уважительный, такой вежливый, такой...

– Довольно, – поморщился он, опускаясь на стул. Зыбин оглядел комнату; по нему было видно, что он озадачен. Обратился к полицейским: – Улики имеются?

– Нет, ваше высокоблагородие. Чисто.

– Позвольте мне взглянуть на... – Последнее слово Марго проглотила, ибо Зыбин одарил ее зверским взглядом, но решил:

– Извольте, глядите.

Марго приблизилась к кровати...

– Я знаю этого господина, – сказала она. Зыбин повернулся к ней всем корпусом, поднял лохматые брови: мол, неужели? – Это не Бубнов. Его зовут Нифонт Устинович Долгополов. Он дворянин. У него есть дом, семья, прислуга, выезд, недавно купил поместье...

– И квартиру снял, – подытожил Виссарион Фомич. – Снял, а его убили. Не странно ли, ваше сиятельство?

– Действительно, странно, – пробормотала она, разглядывая труп. – Позвольте, а почему вы решили, что его убили? Следов насилия нет...

– А вы чуток рубашку на груди отодвиньте и поглядите. Там, где сердце...

Глаза его хитро прищурились, он явно мечтал посмотреть, какова будет реакция графиньки. Только не дождался он от нее потери сознания, летом она перевидала трупов – ему не снилось. Марго склонилась над Долгополовым, приподняла край рубашки... в районе сердца увидела малюсенькую ранку с запекшейся кровью. Она выпрямилась:

– Чем это его?

– Чем-то острым и тонким, – пробубнил Виссарион Фомич, недовольный ее крепостью. – Любезные, – снова обратился он к полицейским, – поспрашивайте соседей, авось кто видал убийцу.

– Да тут спрашивать некого, – захлопала носом хозяйка. –

В первом этаже жильцов нет, никто с весны не снимает – дорого. А во втором жила модистка, да съехала с месяц назад.

– Ну, напротив опросите жильцов, – махнул он рукой.

Полицейские ушли, отпустил он и женщин, которые ему были ни к чему. Наступила тишина. Виссарион Фомич разглядывал комнату, постукивая пальцами по столу. Марго не решилась заговорить с ним.

– Ну-с, Маргарита Аристарховна, как вам наше дело? – ехидно спросил он. – Грязная работа, не так ли?

– Мне не представляется возможным отыскать убийцу, – сказала она и при том не лукавила. – Долгополов – примерный господин, что заставило его снять квартиру, прийти сюда?

– Ух, и скандал предвижу... – покачал Зыбин головой, выпятив губу. – Кабы простого человека убили, было бы проще, а с дворянским сословием одни расшаркивания предстоят. Вы знавали его?

– Очень мало. При встрече шляпу снимал. Долгополов малообщительный был, почитай, ни с кем не дружил... хотя...

– Ну что вы там вспомнили? – нетерпеливо заерзал он.

– Кажется, друг у него есть... Баенздорф. Слыхали?

– Слыхал, однако незнаком.

Марго снова перевела взгляд на труп, осмотрела руки. Летом именно она заметила под рукой убитого пуговицу, как потом оказалось, оторванную от сюртука убийцы. Под руками Долгополова не было ничего. Марго подошла

к Зыбину, села на стул и подперла кулаком подбородок:

– Давеча на балу жену его встретила, с ней мы изредка видимся. Отчего-то она была расстроена, хотя всячески это скрывала.

– Не сказала, чем расстроена?

– Нет. Виссарион Фомич, а не позволите ли мне переговорить с нею о муже? Она женщина, со мной будет откровеннее, надеюсь.

– Так ли уж будет? – недоверчиво сощурился он.

– А я постараюсь, – пообещала она, премило улыбаясь. Про себя же подумала: еще один дундук, не терпящий женщин по причине преклонного возраста.

– И что же вы, позвольте вас спросить, собираетесь узнать?

Марго закусила губу, чтобы скрыть усмешку: экзаменует! Ну, да-да, в его понимании женщины все как одна – дуры. Она ответила уклончиво, а то сейчас, что ему ни скажи, он все отвергнет:

– Что расскажет, тем и поделюсь с вами. Не сегодня. Сегодня бедняжке предстоит узнать о смерти мужа. А вот завтра навещу ее, как раз слухи разнесутся, у меня будет повод к ней приехать. Только, Виссарион Фомич, не навещайте ее раньше, чем я с ней поговорю.

«Неглупа», – признал про себя Виссарион Фомич. Тем не менее он не сомневался, что от визита ее сиятельства проку не будет. Но согласился только лишь потому, что знал

высоких господ, знал, какие обиды последуют. Ростовцева – жена статского советника, который много выше чином Виссариона Фомича, оттого власти имел больше, черт бы побрал и его, и его супругу.

На следующий день, ближе к вечеру, Марго посетила Долгополову, которая никого не принимала, да графине Ростовцевой не так-то просто отказать. Марго приказала посторониться лакею, не успевшему рта раскрыть, в общем, повела себя как настоящая разбойница. Ворвавшись в дом, она сбросила пальто-ротонду – второй лакей едва успел подхватить его и вскользь полюбопытствовала у сновавшей прислуги, где барыня.

– В будуаре-с... – не закончила девица, одетая горничной.

Марго понеслась вверх, раскрыв двери, сразу же обезоружила Долгополову:

– Прасковья Ильинична, простите за мое вторжение, я не могла не приехать к вам в столь трудный для вас час.

Заплаканные глаза Долгополовой не желали никого видеть – Марго поняла это, она испытывала к ней жалость, но понимала: сейчас, когда она в растерянном состоянии, самое время осторожно расспросить ее о муже. Она подошла к ней, взяла за руки:

– Ничего не говорите, я все знаю. Мне только хочется сказать вам: что бы ни произошло, рассчитывайте на мою поддержку. Я вас не подведу.

О да, репутация Ростовцевой не запятнана, несмотря на мелкие придирки недоброжелателей. От доброго участия молодой женщины, от сознания своего двоякого положения – ведь мужа убили при невыясненных обстоятельствах, а нашли в весьма странном месте – Прасковья Ильинична разрыдалась. Марго обняла ее, отвела к дивану, утешая:

– Понимаю, как вам трудно, но когда бы слезами можно было воскресить Нифонта Устиновича, я бы помогла вам. А того, кто убил вашего мужа, обязательно найдут. К вам приезжала полиция?

– Нет, – утирая глаза, вымолвила Долгополова.

– Приедут. Расскажите им все, ничего не скрывайте.

– Да рассказывать нечего.

– Но ведь просто так не убивают, – глядя ее по руке, мягко уговаривала Марго. – У него были какие-то дела... раз он пришел ночью в тот дом...

– О его делах я ничего не знаю.

– Коль не знаете, так и скажите. Я велю подать чаю? Вам необходимо подкрепить себя.

Долгополова кивнула в знак согласия, Марго позвонила в колокольчик, распорядилась насчет чая, а когда горничная принесла поднос, отпустила ее:

– Я сама налью. Чай, Прасковья Ильинична, – лучшее средство и от усталости, и от скверного настроения. Вот, возьмите.

Та взяла чашку с блюдцем, задумалась. Марго пила чай

и просто-напросто въедалась в нее глазами. Нет, что-то было такое, о чем Долгополова не желала говорить, это что-то мелькало в ее светло-карих с желтизной глазах, всегда поражавших живостью. С этой женщиной общаться – одно удовольствие: она умна, приветлива, без заносчивости, обаятельна. Но что-то в ней надломилось, это Марго подметила еще на балу. Только ли юная Нагорова, напомнившая о скоротечном времени, навеела грусть на нее? В муже дело, в нем. У женщины, имеющей деньги и положение в обществе, других причин быть не может, а говорить о муже она не хотела. Марго рано пришла, хотя... всему свое время, и оно действительно скоротечно.

– Когда похороны? – лишь спросила Марго.

– Завтра, – ответила Прасковья Ильинична.

Марго вышла от Долгополовой и замедлила шаг. Солнце сияло не по-осеннему ярко, правда, уже не давало тепла. Какими бы печальными ни были события, а мягкие краски осени заставляли порадоваться сегодняшнему дню. Разве потянет домой в такую погоду? Марго надумала покататься по городу и заодно посетить магазины.

Три часа она потратила на полезную прогулку, купила все необходимое, проголодалась, но надумала все же посетить и нотный магазин. Марго долго выбирала ноты, мысленно читая музыку, в конце концов выбрала, расплатилась за два сборника и с облегчением вздохнула: можно домой.

Садясь в коляску, она обратила внимание на господи-

на Неверова, стоявшего рядом с экипажем Вики Галицкой. Оба о чем-то беседовали с серьезными лицами, будто у них шел тайный сговор, притом Вики постоянно оглядывалась, но Ростовцеву не заметила.

Экипаж Галицкой тронулся, Неверов запрыгнул в коляску, где сидел белокурый молодой человек надменного вида и в мещанской одежде. Марго приказала кучеру ехать домой, сама же наблюдала за Неверовым. Зная спесивого и надменного Ореста, она, признаться, была удивлена, что он запросто, даже по-дружески, беседовал с молодым человеком явно не его круга. Кучер правил навстречу его коляске. Орест Неверов увидел Марго, кивнул. Она успела заметить, что молодой человек спросил у него о ней. Странно...

Утром она явилась на отпевание покойника и ужаснулась: Прасковьи Ильиничны не было! Дети, родственники, друзья и знакомые пришли, а она... Зато Виссарион Фомич прибыл лично, стоял в сторонке и поглядывал на людей, заполнивших церквушку. Протиснувшись к нему, Марго зашептала:

– Вы же не станете сегодня допрашивать родных Долгополова?

– А вы разузнали что-либо? – скосил он на нее хитрющие глаза.

– Пока порадовать вас нечем. Вы с Баенздорфом переговорите, вы с ним, а я еще раз с Прасковьей Ильиничной. Ну, дайте мне хотя бы пару дней.

– Даю, сударыня, даю, – не без удовольствия произнес он и перекрестился на образа, давая понять, что церковь – не место для разговоров.

Настырность ее сиятельства сместила Зыбина. Что она вообразила? Ничего, он припас для нее несколько приемов, от которых настырных дамочек бросает в дрожь.

Марго попросила извозчика подождать, сама же, отстранив лакея, снова прорвалась в дом Долгополовых. Прасковья Ильинична в траурном одеянии сидела в столовой, перед ней стоял стакан воды. Увидев гостью, она опустила голову.

– Вы не пошли на похороны! – воскликнула Марго.

– И не пойду, – сказала она.

– Но почему? – Марго бросилась к ней. Присев на стул рядом, повторила уже тихо: – Почему?

– Стыдно.

– Отчего же стыдно? Вы-то ни в чем не виноваты.

– Это вы так думаете, а другие... Мой муж найден на кровати в сомнительном месте. Зачем он туда пошел?

Настал момент, когда она готова выплеснуть наболевшее. Человек не может долго хранить боль, особенно такая женщина, как Долгополова, – блестящая, успешная, довольная своим положением.

– Я не знаю, зачем он пришел в тот дом, – произнесла Марго. – А вы, Прасковья Ильинична, не спрашивали его, куда он уходит?

Долгополова свела брови, видимо, отбирая в уме, что сказать, ведь неосторожно брошенное слово потом обернется новыми ударами. И ушла от прямого ответа:

– Не спросила.

Замкнулась. Марго применила обратную любопытству тактику:

– Хорошо, не будем об этом. Поедьте, извозчик ждет.

– Не поеду, – подскочила Прасковья Ильинична и отошла к стене.

– Подумайте, как вы будете выглядеть...

– Разве я не могу заболеть?

– Можете. Но не сегодня, когда хоронят вашего мужа. Не прибавляйте лишних поводов для пересудов, прошу вас. Его нет, а вам... вам жить. Вам и вашим детям, подумайте о них. Умоляю вас, поедьте!

– Не могу, – повернулась к ней Прасковья Ильинична, но голову опустила низко, коснувшись подбородком груди. – Они знают. Они все знают.

– Не понимаю, – развела руками Марго.

– А тут и понимать нечего. У моего мужа была женщина. Он снял ту квартиру, чтобы встречаться с ней.

– Кто?! Нифонт Устинович?! Быть того не может!

– Может, Маргарита Аристарховна, может. Я узнала месяцев семь назад, а точнее, весной. Он клялся, будто ничего между ними не было, я ведь хотела уйти, это грозило скандалом, наши имена не сходили бы с уст. А не так давно он

перешел спать в комнату для гостей, объяснял это тем, что, мол, работает допоздна. Зачем – надеюсь, вам понятно? Чтобы уходить из дому незамеченным, когда ему вздумается. Теперь мне предстоит одной пережить скандал, муж сделал меня посмешищем, будь он проклят!

– Вы знаете, с кем у него...

– Была интрижка? Разумеется. С Галицкой.

– С Вики?! Она же замужем.

– Сразу видно: вы, Маргарита Аристарховна, непорочной души человек. Да, замужем. Однако это ей не помешало встречаться с моим мужем. Я случайно перехватила записку, которую должен был передать ей племянник, да нечаянно обронил, а я подняла.

– Но она же подходила к нам на балу...

– Это один из способов доказать свою невиновность, – гневно сказала Прасковья Ильинична. – Вы молоды и пока не знаете, каково коварство и мужчин, и женщин. Не дай вам бог узнать!

– Пускай было так, как вы говорите, но сейчас поедemте. Не позволяйте клеветникам торжествовать, выдержите этот день, проявите стойкость. Вы выиграете, поверьте мне.

– Мне нелегко.

– Знаю. Я буду рядом.

– Хорошо, – сдалась она, пересиливая себя.

Баенздорфу давно за пятьдесят, но ему небезразличны

ни собственная внешность, ни мнение о нем окружающих. Он тщательным образом следил за собой и своей одеждой, однако выпуклые уплотнения под глазами и землистый цвет лица говорили о недугах, преследующих людей в этом возрасте, если провели они наполненную излишествами жизнь. Виссарион Фомич догнал Баенздорфа, когда процессия пришедших на похороны отделилась от свежей могилы и направилась к воротам кладбища:

– Простите, господин Баенздорф, не уделите ли мне пару минут?

– Позвольте, а вы, собственно, кто?

– Начальник сыскной полиции Виссарион Фомич Зыбин.

– А... – понимающе протянул Баенздорф, сбавляя шаг. –

По поводу Долгополова?

– Разумеется. Вы ведь с ним дружны были, не так ли?

– Приятельствовали.

– А не говорил ли он вам, для чего снял квартиру?

– Он снял квартиру? – вытаращил глаза Баенздорф. –

Не знал-с, не знал-с. Квартиру, на которой его убили?

– Да-с, – коротко ответил Виссарион Фомич и заглянул снизу (ростом он был много ниже) в лицо Баенздорфа. По всем признакам, тот не врал и на самом деле не знал, для чего Долгополову понадобилась квартира.

– Думаю, встречаться с кем-то надумал там, – пожимал плечами Баенздорф. – А хороша ли квартира?

– Плоха. Под стать людям с весьма скромными средства-

ми.

Баенздорф настолько озадачился, что остановился:

– Признаться, я сразу подумал о женщине. Однако привести даму в дрянное место... Нет, Долгополов не таков был. Он жил с шиком, презирал бедность.

– А что, он увлекался женским полом?

– Да не так чтобы очень... – вновь пожал плечами Баенздорф, словно сомневался. – Симпатизировал иногда, но так, лишь в лице появлялась нега, когда он смотрел на хорошеньких дам.

– В особенности на молодых? – уточнил Зыбин.

– А вы покажите мужчину, интересующегося старухами. Безусловно, он поглядывал на молодых, да только, насколько мне известно, на том дело и кончалось. Он ведь скрытен был.

– Так... – протянул Виссарион Фомич, что-то считая в уме. – А деловых встреч он не мог там проводить?

– Ночью-с? – скептически фыркнул Баенздорф.

– К примеру, засиделся с партнером, оговаривая сделки.

– Не было у него партнеров и сделок, уж я бы знал. Он доход с капитала получал приличный да имения давали прибыль. Я решительно не знаю, зачем ему понадобилась квартира.

– Недруги у него были?

– Помилуйте, какие недруги? Когда возраст подходит к полувеку, бывшие недруги становятся приятелями. В молодости важны карьера, взлеты, победы, отсюда и недруги

появляются или завистники. А Долгополов карьеры не делал, жил припеваючи. Умерен был, занимал прочное положение в обществе, никуда не совал нос.

– Стало быть, причин убить его ни у кого не было?

– Никаких, – уверенно сказал Баенздорф.

– Не было-то не было, а убили-с, – повздыхал Зыбин.

Виссарион Фомич пребывал в скверном расположении духа, что особенно подчеркивали надутые губы с опущенными вниз уголками. Он сидел в нелюбимом кресле, и вот – нате, вставать пришлось, ведь сиятельство явилось! Зыбин взялся за подлокотники и теперь с натугой силился вытеснить зад из кресла, он даже покраснел.

– Сидите, сидите, Виссарион Фомич, – замахала ладонями Марго.

– Чертово кресло! – Он рухнул назад. – Доколе я мучиться-то буду!

– А надобно отпилить подлокотники, – дала совет она.

– Нехорошо будет, – капризно вспылил он, разозлившись на ее сиятельство, увидевшую воочию, как он толст и неуклюж. Не способен даже из кресла вылезти!

– Не сердитесь. – Марго дружелюбно улыбалась, твердо решив: не получит он повода избавиться от нее. Пусть хоть ругается, хоть дует, а не получит. – Вы говорили с Баенздорфом?

– Говорил-с, – промолвил он вяло, будто ему было лень

языком шевелить, да и глядеть в сторону графини не стал. – Не замечен Долгополов в сомнительных делах и связях, врагов у него не имелось.

– А у меня вчера был удачный день, – похвастала она.

И что? Да ничего! Марго опешила: с трудом вызнала семейные тайны, а Зыбин и ухом не повел, лишь скосил незаинтересованные глаза! Да как он с такой ленью сыском заведует?! Сдержавшись, чтобы не наговорить ему кучу нелюбезностей, в результате которых ей придется покинуть участок навсегда, она продолжила:

– Прасковья Ильинична не собиралась идти на похороны мужа, я выяснила причину. У Долгополова была любовница. Весной Прасковья Ильинична раскрыла тайную связь, она подняла записку мужа, которую должен был передать его любовнице, но нечаянно обронил племянник. Она хотела уйти от него, но Долгополов умолял ее остаться. А совсем недавно он переселился в комнату для гостей, чтобы иметь возможность уходить ночью.

Разве она не заслужила похвалы? Видимо, нет. Виссарион Фомич принялся бить пальцами обеих рук по столу, напевая без слов:

– Тпру, тпру, тпру, тпру-ту-ту... И что, сильно она переживает?

– А вы как думаете! Ей стыдно за мужа.

– Вот и первый мотив...

– Мотив? – не поняла Марго. – Какой мотив?

– Да у жены Долгополова.

– Вы хотите сказать... – задохнулась негодованием Марго.

– Да-с, ревность. – Он был абсолютно спокоен.

– Ревность?! – повысила тон она и заходила по кабинету, разъярившись до неузнаваемости. – Да как вы смеее очернять прекрасную женщину?! Вы бы ее видели! Она раздавлена, сломлена! Прасковья Ильинична не способна, слышите, не способна убить... да еще собственного мужа! Отца ее детей! Как бы она пришла на квартиру ночью? Одна? Без сопровождения? Как я понимаю, он тайно снял квартиру, никто о ней не знал, жена тем более. Черт знает что вам влезло в голову! Дурацкая идея, скажу вам! Я докажу, как вы заблуждаетесь, черт возьми!

– Ой, ваше сиятельство, не надо вот этого... пых-пых... не надо-с! – покривился он. И вдруг, вытаращив глаза, воскликнул: – Сударыня!

Марго остановилась, упрямо наклонив голову и глядя на него в упор, а он возмущенно отчитал ее:

– Вы ругаетесь?! Нехорошо-с даме вашего положения... Ай-яй-яй.

– Хм! – фыркнула она и отошла к окну, чтобы отдышаться.

Во время паузы Зыбин прикидывал в уме: пожалуется мужу, тот сразу резюме выдаст: мол, на покой пора, уважаемый. Дудки. А вот возьмет и стерпит избалованную куклу. Он еще покажет ей! Ишь, ругаться вздумала! И при ком? При нем,

который в отцы ей годится, а то и в дедушки. Да графиня нуждается в воспитании. Ничего, он ее перевоспитает, не таких обламывал, муж спасибо скажет.

Виссарион Фомич строго приказал:

– Сядьте, сударыня, сядьте! – Марго, пыхтя от недовольства, прошла к стулу, плюхнулась на него, отвернув лицо от Зыбина. – Помнится мне, кто-то обещал в сторонке постоять и не мешать следствию. Аль мне послышалось? – Сопение в ответ, а не пыхтение – значит, мадам успокоилась. – Я ведь предупреждал: дело наше грязное, иной раз себя подозревать станешь. Так вот: коль вам так нравятся трупы и прочее, извольте мое высокоблагородие слушаться и ротик на замке держать. Мне решать, кого подозревать, понятно-с?

– Понятно, – процедила она, почти не разжимая рта, как он требовал.

– Так вот, сударыня, ваше сиятельство. – А ехидства полная телега в каждом слове, каждой букве! – У Долгополовой есть мотив, есть, хоть вы тут лопните от злости. Да, ревность – одна из сильнейших страстей человеческих. Она алкает мести за обман, поруганную честь. Вам, вижу, ревность незнакома...

– А вам? – поддела его Марго.

– А мне знакома-с. Потому как сталкивался с подобным явлением не раз. Но мои подозрения, может стать, необоснованны, так что уgomонитесь. Возможно, некто, зная про интрижку ее мужа, нарочно подгадал так, чтобы по-

дозреение пало на его жену. Посему надобно искать и тех, кто с ним ссорился, кого он обидел. Коль так случится, я отставлю Долгополову. Страшного в том нет, я обязан наметить версии и проверять их, каковы бы они ни были. А положение в обществе, сударыня, не дает гарантий, что человек не преступник. По данным нашего ведомства, более всего склонны к совершению преступлений как раз господа. Далее идут купцы и мещане, а уж на последнем месте крестьяне. Долгополов убит, стало быть, для кого-то был опасен. Вернемся к нему. Кто его любовница?

— Мы не похожи на сплетников? — Марго отошла от недавней вспышки гнева, она отходчива. — Я передаю, вы собираете...

— Хуже, сударыня. Сплетни, слухи, наговоры, оговоры — это все следствие собирает. Мы подслушиваем, подсматриваем, порой сами плетем интриги, и какие! А все для чего? Истину добываем. Вам, сударыня, противно?

— Отнюдь, — с вызовом ответила она.

Противен был Виссарион Фомич со своим круглым и потным лицом, толстыми губами, жидкими и длинными, как у лакея, бакенбардами, вышедшими из моды триста лет назад. А его толстые пальцы с коротко стриженными ногтями! Какие-то обрубки! А его живот — круглый, выступающий далеко вперед! Да он натуральная жаба!

— Кто? — коротко спросил Зыбин, требуя назвать имя любовницы.

– Вики Галицкая.

– М-м-м, – одобрительно покивал он. – Недурна, весьма недурна. Отчего ж она Долгополова предпочла, а не кого-нибудь краше?

– У нее спросите.

– А вы узнайте, в свете-то часто бываете.

– Я вам еще один мотив преподнесу, – коварно сказала она.

– И какой же?

– Галицкий мог убить Долгополова. – Марго поедала его глазами, а Зыбин никак не отреагировал. – Из ревности. Он обожает жену, умен, думаю, догадался, что она ему изменяла. Между прочим, человек он вспыльчивый, самолюбивый.

– Вполне возможно, – согласился Зыбин. – Стало быть, наметились две версии. Чудненько.

– Три! – с торжеством произнесла Марго.

– Да? – приятно удивился он.

– Еще сама Вики Галицкая!

– А не перебор ли?

– Отчего же? – на этот раз Марго не смогла удержаться от ехидной ноты. – Коль Долгополов снял квартиру для встреч с женщиной, то приходила к нему Галицкая. Что, ежели Вики решила порвать с Долгополовым? А тот, не желая лишиться любовницы, предупредил, что расскажет об их связи мужу? Зная Галицкого, могу сказать: он не потерпит

измены. Это достаточный мотив для убийства, не так ли?

Виссарион Фомич переплел пальцы, сложив их на животе, выпятил нижнюю губу и снова после раздумья согласился:

– Пожалуй, мотив серьезный.

Про себя Зыбин хихикал – он наметил сразу три версии, как только стало известно, что у Долгополова была любовница. Эти версии лежат на поверхности и, как правило, отставляются за несостоятельностью, но их непременно следовало учесть, потому что пути Господни неисповедимы.

– Меня радует, что я полезна следствию, – вдруг очаровательно улыбнулась Марго. От бывшего гнева не осталось и следа. – Дадите мне задание?

– Да уж дал, – отмахнулся он.

Внезапно ему пришла мысль: а Ростовцеву весьма просто удалить от себя, заодно она сослужит полезную службу.

С высшим сословием крайне трудно, эти господа, заботясь о чести и стараясь произвести хорошее впечатление (хотя тайно творят черт знает что), не откровенничают с полицией, мало того, презирают служителей порядка. Зато с удовольствием сплетничают в кулуарах, а в кулуары Маргарита Аристарховна, в отличие от него, доступ имеет. Да, он намерен сделать ее сиятельство своей осведомительницей, посему смягчил тон:

– Вот вам задание. Проникните в самую суть сплетен. Людям лишь кажется, что они мудры и предусмотрительны, держат за дурачков остальных. Сие есть глубочайшее за-

блуждение, оттого скандалы случаются чаще, нежели хотелось бы. Мне нужны сплетни о всех трех подозреваемых. И не вздумайте, сударыня, руководствоваться личными симпатиями. Как вы говорили, племянник должен был передать записку Галицкой?

– Мне ведь сказала это Прасковья Ильинична, – забеспокоилась Марго. – Вы не должны меня подвести.

– И не подведу. Я, сударыня, в следствии, почитай, всю жизнь, начинал юнцом на побегушках. Сами-то не проговоритесь Долгополовой о моих подозрениях.

– Вы меня оскорбляете.

– Предупреждаю, ваше сиятельство, ибо знаю женщин. Доверчивые существа, отсюда... У меня все, а у вас?

Марго подскочила. Выгоняет ее! Да он невежа... Впрочем, Виссарион Фомич дал задание! Разве это не победа над ним? Еще какая!»

Характеристика Сирина, которую дала жена Зимовца, оказалась более чем точна, к ней София добавила бы – разумеется, то, что бросилось в глаза, – врожденную трусость. Только увидев удостоверение Артема, еще не зная, с чем к нему пришли, Сирин весь съежился, глаза его забегали, губы затряслись и посинели. Можно так бояться неизвестно чего, к тому же в возрасте, когда мужчина имеет и первые седины, и положение, и стабильность!

– Не могли бы вы подождать минут пять – десять? – робко спросил он. – Я как раз закончу.

– Где вас ждать? – спросил Артем.

– Где... где... – без причин занервничал Сирин. – Прямо здесь... извините, в коридоре... Потом я отведу вас на кафедру, там никого в это время не бывает.

– Подождем.

София и Артем подошли к окну, оттуда открывался вид на спортивную площадку; снег валил и валил, добавляя белизны в унылый серый пейзаж. Казалось, на этой девственно чистой земле ничего не может произойти скверного, человека должно тянуть к таким же чистым помыслам. Но в мире много относительных вещей, которым трудно дать объяснение, и София не объяснила бы, почему вдруг напомнила:

– Кто обещал взять меня на охоту?

Артем согнулся, облокотившись локтем о подоконник, заглянул в лицо Софии, в его глазах появились провокационные искры:

– Возьму. Только без мужа.

– Он увлечен охотой за деньгами, так что сам не поедет.

– А тебя отпустит?

М-да, флирт не относится к чистым помыслам, но женщине, обделенной вниманием мужа, не помешает почувствовать себя привлекательной, это взбадривает. Впрочем, не она флитовала, заигрывал Артем, и очень активно.

– Ты возьми, с мужем я разберусь, – сказала София и отвернулась от его нахально-игривой физиономии.

– Пока некогда, сама видишь, – с сожалением вздохнул Артем. – Эх, сейчас на фазанов разрешена охота, их больно много развелось.

Вышел Сирин, стеснительно пригласил:

– Идите за мной.

В небольшом помещении с типично кабинетными столами он предложил расположиться где нравится, сам уселся за стол и выжидающе уставился на Артема. Сирин отчего-то волновался, что Артем заметил сразу же:

– Да вы не переживайте, мы только поговорить.

– Нет, я не переживаю, что вы, – заерзал Сирин. – Вернее... да, переживаю. Из-за Германа Олеговича. Нелепая смерть...

– Кстати, – прервал его Артем, – он не говорил вам, куда

поедет после банкета?

– А меня не было на банкете, – поспешно и, как показалось Софии, обрадованно сказал Сирин. – Я не участвовал в проекте.

– Значит, не знаете, – констатировал Артем. – Ну, хорошо, а что вы сами думаете по поводу его убийства? Получается, он поехал домой, по пути подобрал каких-то людей, и те его зарезали.

– Подобрал? – вскинулся Сирин. – Вы сказали – подобрал?

– Думаю, так и было, а что?

– Видите ли... он мог... подобрать.

– Ночью? – скептически спросил Артем. – Незнакомых? Такой доверчивый, не знал, чем это чревато?

– Понимаете, Герман Олегович выдерживал огромную нагрузку... психологическую. И даже физическую, ему приходилось мало спать, все работал, работал... иногда без отпуска...

Сирин покосился на Софию, замялся. Артем терял терпение, поэтому жестко сказал, не побоявшись окончательно зажать этого трусливого человечка:

– От вашей откровенности зависит, как скоро мы поймем преступников, а вы мнетесь. Есть еще один похожий убийца, не исключено, что мы найдем третьего. А если им снова окажется ваш знакомый?

Бедняга побелел, видно, подумал, что подозревают его.

– Я все скажу, но подробности слишком интимные...

– Говорите при Софии Арсеньевне, это наш сотрудник. Так что там с нагрузкой? Он как-то разгружался, я правильно вас понял?

– Совершенно верно. Зимовец... очень редко, прошу заметить... Э, мужчинам иногда хочется взрыва, понимаете?

– Нет.

– Хочется почувствовать в себе природу, умаслить, так сказать, дикаря.

– А проще?

– Когда он был на пределе, он брал женщину и прямо в машине...

– Проститутку? – уточнил Артем.

– М... да.

– Где он ее брал? В каком месте?

– На улице. Эти женщины отличаются полнейшей раскованностью, они совсем без комплексов. Мне думается, других людей он не подобрал бы. Да нет, я уверен – не подобрал бы.

Как в жизни, тем более в режиме постоянного напряжения, обойтись без крепкого словца? Практически нереально. Но начальник уголовного розыска Ким Денисович принципиально не ругался матом, не употреблял и грубых слов, вошедших в обиход давно, но имеющих грязный смысл. Так проститутка в его исполнении была...

– Простипома – это уже кое-что. И каблук на обочине отпечатался, правда, ступня нечеткая, но криминалисты размер определили – тридцать седьмой.

– И рука убийцы похожа на женскую, – подхватил Артем. – Обоих убили одним способом.

– Слабовата версия, – поглаживая усы, произнес Ким Денисович. – Одной бабе с мужиком не управиться. Ладно, Зимовец не атлант, но Жмайлов-то далеко не хлюпик, а его еще надо было из машины выкинуть. С другой стороны, вряд ли они оба позволили бы еще кому-то сесть с простипомой. Есть и третья сторона. Удары нанесены в горло, для этого нужно замахнуться хоть самую малость. Граждане-развратники не видели, что простипома замахивается?

– Заточка не требует особого замаха, – возразил молодой опер Вовчик, кудрявый, как барашек, с очаровательными веснушками. – Здесь нужен конструктивный подход.

– Да? – фыркнул Ким Денисович. – И что это за подход?

– Откуда я знаю? – пожал узкими плечами Вовчик. – Что-то ваша простипома придумала.

– А не знаешь, так молчи, – рявкнул Ким Денисович. – В общем, так. Берете уличных жриц и культурно беседуете. Начните со старушек, они подноготную улиц знают лучше кого бы то ни было. Сутенеров не забудьте, тоже весьма полезные типы. Найдите Бедуина, он не раз поставлял нам простипом для приезжего начальства. Ну, флаг в руки – и вперед.

София караулила Артема, да чуть не прозевала – у нее ведь свои обязанности, догнала в коридоре:

– Что было на оперативке?

– Денисович интересовался тобой, – ответил он, напустив грозный вид. – Где тебя носит?

– Немного опоздала, – виновато залепетала София. – Пропала.

– Мне прикажешь за тобой еще и заезжать?

– Что, сильно ругался? – Однако она не отказалась бы, чтобы он заезжал за ней по утрам.

– Крыша чуть не взлетела. – Артем взглянул на нее сверху вниз, увидев напуганные глаза, рассмеялся.

– Ты обманул меня? – догадалась София.

– Угу. У нас не опаздывают, запомни.

– Вроде бы никто не заметил. А ты... обманщик бессовестный! Так что там было?

Вечер зимой похож на глубокую ночь – кругом бездонная, расцвеченная огнями и светом фар темень. Но стоит свернуть с оживленной улицы в переулок, как появляется желание поскорей проскочить черную дыру, где подкарауливает опасность. Именно в такой черной дыре Артем и искал Бедуина.

– Ты уверен, что этот тип где-то здесь? – полюбопытствовала София. – Кто сюда заглянет ночью без нужды?

– По нужде и заглядывают, – сказал Артем, медленно про-

езжая по узкой дороге. – Эта точка для знатоков, так сказать, постоянных клиентов.

– А почему сутенера зовут Бедуин?

– Я в его команду не вхожу, поэтому не знаю. Вот и те, кого мы ищем...

Он остановился возле двух беседующих девушек, одетых довольно скромно, вовсе не вульгарно, ничто не говорило, на каком поприще они трудятся. Девицы перестали болтать, как только автомобиль Артема затормозил, повернулись и замерли. А София считала, что проститутки бросаются под колеса клиентов. Артем выбрался из авто, крикнул:

– Девчата, где найти Бедуина?

– А без него нельзя? – хихикнула одна из девиц.

– Он мне по делу нужен. Срочно.

– А, ну раз срочно, сейчас позвоню. – Девушка в короткой шубке и высоких сапогах на шпильках поднесла к уху трубку. – Бедуин, тебя тут спрашивают... Говорит, срочно ему... Без тебя нас не хочет. – Она расхохоталась неизвестно по какому поводу, опустила руку с трубкой и сказала Артему: – Езжай до конца квартала, его «опель» серой масти там.

Минуты две спустя Бедуин, рыхлый мужчина лет тридцати семи, с черной растительностью на подбородке и гладкими черными волосами, схваченными в хвост сзади, подошел к машине Артема, склонился к окну:

– Ты меня искал?

– Да уже нашел, – хмыкнул Артем. – Меня Денисович

прислал. Залезай, поговорить надо.

Бедуин плюхнулся на заднее сиденье, шмыгнул носом и без спроса закурил со словами:

– Что, начальство нагрянуло? Телок дать?

– Телок оставь себе, – сказал Артем, развернувшись к нему. – Кто-то из ваших мочит клиентов, тачки угоняет, грабит.

– Из телок? – уточнил Бедуин.

– Из них. Ты случайно не знаешь, кто это?

– Мои все чистые, слово даю.

Софию поразила флегматичность и спокойствие Бедуина. Казалось, эта масса, явно заливающая в себя пиво без ограничений и заглатывающая все, что мало-мальски съедобно, ко всему остальному абсолютно равнодушна.

– Может, слух какой прошел среди твоих телок? – спросил Артем.

– Трудно стало работать, – сказал Бедуин, ни к чему не привязывая.

– Что так? Не сезон?

– У нас всегда сезон. Студентки клиентов отбивают за стакан вина и порцию шашлыка. Гоняем их, гоняем...

– Думаешь, кто-то из свободных пташек? Для студентки дело больно рискованное, да и вряд ли они знают, что такое заточка. Это матерая девка.

– Мочит и угоняет машины клиентов, говоришь? – Бедуин закурил вторую сигарету, выпустил дым, задумавшись. –

Заточка... Нет, это не мои. И не из конкурирующих фирм. У наших телок запросы скромные.

– А студентки где ошиваются?

– Да везде. В кафе торчат, в парках гуляют, по нашему Бродвею. Недавно я пацанов посылал на Гуляевку, весь район прочесали, парочку отловили и внушение сделали.

– Чего ж ты в профсоюз их не привлечешь?

– На хрен мне проблемы? У них же мамы с папами есть, вой поднимут. Я по старинке – с добровольцами работаю.

– А не знаешь, кто скупает краденые тачки?

– У меня другой профиль.

– Тогда больше нет вопросов.

Бедуин вылез из машины, но вдруг засунул голову в салон:

– Заточка, говоришь? Посмотрите, кто из тюрьги вернулся, какие дела за ними числились. У вас же есть база данных?

– Есть. Спасибо.

– Не за что. Я за бизнес волнуюсь. Когда клиентов мочат, у нас простой. Да, это... насчет тачек. Найди Каскадера, он каждый день, кроме понедельника, торчит в клубе «Голубая лагуна». Худой, как мой палец, обычно красную рубашку надевает под синий пиджак. Может, он знает, кто скупает тачки.

Бывай.

Артем выехал на ярко освещенную улицу и помчался к дому находившейся под впечатлением беседы с Бедуином Софии.

– Какой вялый тип. Говорил, будто спал на ходу.

– Ага, вялый, – скептически усмехнулся Артем. – Ты еще скажи: безобидный, ведь он именно такое впечатление производит. Просто Бедуин не улыбался, иначе ты увидела бы в его пасти клыки, как у леопарда.

– А когда проституток станут допрашивать?

– Вовчик отлавливать их будет всю ночь, нам нужны телки из разных кружков. В обезьяннике отдохнут от трудов, а завтра мы с ними поговорим. Ну, вот ты и приехала. До завтра.

София открыла ключом квартиру, думая, что Борьки еще нет дома, но пальто его висело в прихожей.

– Боря! – позвала она, переобуваясь в домашние туфли. Он не откликнулся. Ах да, Боря не разговаривает с ней. – Борис! Ужинать будешь?

Не-а, не получила ответа. София, обычно избегающая конфликтов, разозлилась донельзя и отправилась искать мужа, чтобы устроить ему хорошую взбучку. Он возлежал на кровати с закрытыми глазами, как будто умер.

– Борис, в чем дело, почему ты в постели?

Ей не свойствен ледяной тон, но муж не заслуживает жалости, так как причины болезни известны.

– У меня температура, – сказал Борька.

София дотронулась до лба – действительно горячий. Она опустилась на край кровати, посидела с минуту и вместо сочувствия принялась отчитывать мужа:

– Борька, так нельзя. Я давно заметила: ты болеешь,

когда мы в ссоре, но инициатором выступаешь всегда ты. Тебе тридцать семь, а ведешь себя как мальчик, себя доводишь до болезни, а меня – до белого каления. Это уже диагноз. Теперь я понимаю, почему ты не хочешь детей. Разве ты согласишься, чтобы я еще кого-то любила!

– Раньше тебя все устраивало, – буркнул он.

– Растем-с, Борис Анатольевич. Даже с маленькими детьми сидят до трех лет, до трех, а не все семь лет, как я с тобой. И потом, Борь, ты не младенец, которому нужна помощь на каждом шагу.

– Принеси аспирин и воды, – попросил «умирающий».

София встала, глядя на мужа с укором, да он все равно не видел. Вздохнув, она пошла к аптечке, бросив через плечо:

– Лечить тебя надо от дури.

– Я не курю дурь, – с оттенком трагизма, мол, родная жена не понимает и не жалеет, сказал он.

– Речь не о той дури, которую курят, а о той, что в голове сидит и мешает жить тебе в первую очередь. Доведешь себя до дурдома. И меня. В одной палате будем чертей гонять.

Аспирин и воду подала, на всякий случай горчичник на грудь поставила, ужин принесла в постель – они-с обессилили, встать не могли. Но забота жены вернула Боре настроение, он даже выпил бульон и с надеждой спросил:

– Не пойдешь завтра на свою идиотскую работу?

Еще годом раньше она бы заверила его: нет, ты мне до-

роже всех работ, а он бы принял ее жертву со снисходительным благородством, потом долго напоминал бы, как нехорошо она вела себя, заставив мужа нервничать. Все, хватит, собачка внутри Софии сдохла:

– Боря, больничный по уходу за тобой никто не даст, а работу я не брошу.

– Ну, давай сделаем ребенка, раз тебе так хочется.

– Не хочется. Привыкла в твоём лице видеть дитя, но не мужа. К тому же, Боря, дети должны быть желанными не одной стороной, а двумя. Спи. Я домой пошла... то есть в кабинет.

Да, с недавних пор только в этом месте София чувствовала себя дома, свободно и уютно. Надо что-то делать с Борисом, так дальше нельзя. Хотя папа говорил, что во всем всегда виновата женщина. А кто еще? Ведь это она избаловала мужа, пытаясь угодить ему, – дура. Он по-другому уже не сможет, а она не сможет жить как прежде. Где выход?

– К черту выходы и тупики! – пробормотала София, открывая крышку ноутбука.

Сейчас главное – те впечатления, которые в голове переродились в...

Эротический детектив

«Уж которую ночь Афанасий Емельянович не спал, все искал ее. Для этой цели нанимал извозчика, а не выез-

жал в собственном экипаже, опасаясь предательства слуг. А на какие ухищрения шел, лишь бы незаметно покинуть дом! Стелили ему в кабинете на диване по причине «спешной работы», но лишь только дом погружался в безмятежный покой, Елагин одевался и ускользал. С извозчиком договаривался заранее, где и во сколько тому ждать, да только каждый раз возвращался под утро, раздосадованный неудачей.

Она шла, как в прошлый раз, по мостовой, попадая в пятна света и пропадая в темноте, явно слыша постукивание колес о брусчатку, но не оглянулась. Поравнявшись с ней, извозчик придержал лошадь, остановилась и она, лениво повернув голову. Елагин протянул руку:

– Сударыня, не желаете ли?..

И осекся. Он так жаждал этой встречи, что с трепетом ждал, как она поведет себя – убежит, как уже не однажды случалось, или подойдет? Только бы подошла и взглянула на него! Потому он не договорил, а облизнул сухие губы и молился черту, чтобы эта женщина села к нему.

Она шагнула к коляске, взявшись за подол юбки, подняла его, поставила ногу на ступеньку и замерла. Поскольку остановились у фонаря, Афанасий Емельянович видел ее колено, обтянутое чулком, и узкий ботинок на шнуровке, видел кружевную подвязку, белоснежную нижнюю юбку... У него закружилась голова. Лицо знакомой по описаниям незнакомки было спрятано под густой вуалью, но он знал: она оцени-

вала его. У Елагина были шансы: он не старый хряк, заросший мхом, ему тридцать четыре года, внешностью не уступал светским львам, но волновался. Прошла минута, другая... Она положила руку в ажурной перчатке на его ладонь и села в коляску.

– Гони! – приказал он извозчику, чувствуя, что готов взлететь.

Елагин снял квартиру полтора месяца назад, туда и привез ее. Пришлось воспользоваться спичками, так как прислуга приходила сюда убираться только днем, ночью квартира пустовала. Обжигая пальцы, держа спичку, он провел гостью в комнаты, но когда собрался зажечь лампу, дама взяла его за руку и чуть слышно сказала:

– Огонь не нужен.

– Но... как мы с вами...

– Зачем свет? – шептала она, приближая свое лицо к его. – Свет рождает стыдливость, а на что она нам? Так проще... Разве вы не хотите любить, как видится вам во снах? Свет помешает...

Мягкая, нежная ладонь коснулась его щеки, потом губы прижались к его губам, а в горле Елагина образовался удушливый комок, предвещавший неземное блаженство. Действительно, свет не был нужен, сплошной мрак уничтожал условности. В темноте позволено все, в ней выходит наружу то, что притаилось где-то в потаенных уголках души, будоража воображение...

Ночь превзошла ожидания. У Афанасия Емельяновича не проходило ощущение, что он единственный мужчина, которого эта женщина любила так, будто давно знала его и стремилась только к нему. Она не задавалась целью доставить ему наслаждение, а получала его сама, вздрагивая от прикосновений, замирая от поцелуев. Он бы почуял обман в столах, руках, обвивавших его тело, губах, заученных движениях, если бы это было притворством. Но каждый раз, когда у него возникало желание, она отзывалась новым трепетом, словно до этого ничего не было. Уже под утро, когда сквозь шторы просачивался блеклый свет, а она спешно одевалась, Елагин робко сказал:

– Сударыня, я бы хотел встретиться с вами еще.

– Что ж, пожалуй, – согласилась она и продолжила одеваться.

– Завтра придете? – Он сел на постели, глядя на нее с надеждой.

– Послезавтра, – пообещала она.

Елагин завернулся в одеяло и обшарил карманы. Смущенно протянув крупную купюру – эта женщина должна знать, как он щедр, – произнес:

– Вот, возьмите.

Не взглянув на купюру, она взяла ее, небрежно сунула за лиф и надела жакет. Он протянул ей ключ:

– От входной двери... Я приду поздно, когда домашние...

Она подступила к нему, лицо ее уже было спрятано под ву-

алью, приложив кончики своих пальцев к его губам, сказала:
– Я не хочу знать о вас ничего.

Затем последовал поцелуй, через вуаль Елагин чувствовал горячие губы, обещавшие еще одну прекрасную ночь. Она упорхнула, захватив ключ.

* * *

– Как вы? – был первый вопрос Марго, с искренним участием заданный Прасковье Ильиничне.

Марго приехала к ней утром, зная, что долго залеживать-ся в постели Долгополова не станет. Какой сон при таких обстоятельствах?

Прасковья Ильинична обняла ее:

– Я вам очень признательна, Маргарита Аристарховна, вы благородны не только по происхождению.

– Полно, милая Прасковья Ильинична! Я рада оказать вам посильную помощь и должна признать, выглядите вы сегодня куда лучше. Чаю дадите?

– Разумеется, – натянуто улыбнулась та.

Чай пили с домашним пирогом, но в голове Марго засели слова Зыбина – у Долгополовой есть мотив, посему, наметив свою стратегию, Марго приступила к осуществлению плана:

– А у меня из головы никак нейдут ваши слова.

– Какие же?

– О коварстве мужчин и женщин. Знаете, Прасковья

Ильинична, я ночью закрою глаза и представляю себя на вашем месте. Кабы мне довелось узнать об измене мужа, я... убила бы его.

– Убила бы? – восприняла всерьез ее слова Прасковья Ильинична. – Да бог с вами, Маргарита Аристарховна, даже думать не смейте! Почитай, с каждым мужчиной рано или поздно такое случается. А коль ваша гордость не потерпит измены, то есть способ более сильный и смелый, нежели просто убить. К тому же ваша обида не получит полного удовлетворения, да и отвечать придется.

– Какой же способ?

– Уйти. Это причинит ему настоящие муки, потому что он станет всеобщим посмешищем. Правда, и ваш дерзкий поступок будет всеми осужден, однако ему больше достанется. Мужчина покрывается позором, когда жена уходит.

– Но вы же не ушли. Почему, коль так думаете?

– Потому что глупа была, поверила. Видите ли, Маргарита Аристарховна, мужчинам нельзя доверять, особенно когда они провинились. Мы обманываемся, видя раскаяние или слыша заверения, будто пред вами сама святость. Опять же не хотим очутиться в унижительном положении, когда все узнают об измене, не хотим пережить стыд. А ведь стыда не избежать, мой пример это доказывает.

– Но вдруг вы ошибаетесь? Вдруг все не так, как вам видится? Разве не было у вашего мужа врагов? Мне думается, кто-то из них его и убил.

– Да что ж, он из ума выжил, пойдя на встречу с врагом ночью? И почему он снял квартиру, а не враг?

– Ага, значит, враги у него были! – вела свою линию Марго.

– Понимаю ваше желание уменьшить мою боль, – грустно сказала Прасковья Ильинична. – Враги есть у всякого человека. Довольно уже одного того, что вы богаты, умны, красивы, – и армия врагов вам обеспечена. Мой муж не посвящал меня в свои дела, разве что изредка, когда ему требовался совет. Нет, у него не было врагов, жаждущих его смерти. Он снял квартиру для встреч с женщиной, другого объяснения быть не может. Да ведь не женщина же его убила, в самом-то деле...

– А кто? – спросила Марго, обманывая собеседницу наивностью.

– Не знаю, – горько усмехнулась Долгополова.

– А коль убил разгневанный муж?

– Может, и так, – равнодушно пожала плечами женщина. – Скажу честно, знать не хочу. Ну, найдут убийцу – и что? Выяснятся новые подробности, от которых жить не захочется, потому что все будут перемывать моей семье кости. Нет, не хочу.

– А отомстить той же Галицкой вам не хочется?

– Хотелось, – призналась она. – Когда узнала, собиралась отправиться к ее мужу и все рассказать. Потом одумалась. Что изменилось бы? Я выглядела бы дурно, заодно

принесла бы огорчение Галицкому, которого глубоко уважаю. А больше всего, Маргарита Аристарховна, мне больно за детей. Они не маленькие, прекрасно все понимают. Куда от этого деться?

По щекам Долгополовой потекли слезы, Марго дала себе слово сделать все зависящее от нее, чтобы Виссарион Фомич снял подозрения с Прасковьи Ильиничны. Не в этом доме следует искать убийцу. А вот куда непременно стоит пойти, так это к графине Шембек. В ее салоне обязательно будет Галицкая и много-много сплетен, которые слетают с уст невзначай, обсуждаются с непринужденной легкостью, будто никакого интереса не представляют, а всего-то являются средством от скуки.

Белев шагал по мостовой, нервно поглядывая по сторонам, его прорезала до костей сырость – уж часа два как бродил. Ночные улицы таили много опасностей. Грабители – черт с ними, а как душегубы попадутся, да не в единственном числе? Не храброго десятка, Белев прихватил пистолет и теперь прятал его под полый пальто. Белев сглатывал слюну, представляя, как на него нападают, а он стреляет. Собственно, в разбойника не грех выстрелить, но вдруг докопаются, что это он стрелял? Последуют вопросы: что вы делали ночью на улицах? Не так страшны допросы полицейских, страх вызывала жена. Родная, законная, знакомая до последней морщинки, оттого невыносимо скучная. Характером она

так и вовсе не уродилась, вся в папеньку – такого же самодовольного и грубого деспота. Да, жена его наподобие мужички – телом изобильна, ручкой сильна. Как приложит пухлую ручку к холеному личику мужа, так и голова отскочит. Но... он пошел на улицы, ибо его подстегивало чисто мужское любопытство. Не узнать всех прелестей соблазнов – поистине пустая жизнь. Сильнее всего его охватывала пустота, когда приходило понимание, что ничего стоящего он не сделал и уже не сделает. Так ведь и худых дел за ним не числилось, тех, из-за которых бывает стыдно, но вспоминать о них приятно. Жизнь протекала тягуче и однообразно, эдак совсем пройдет, а зачем? Вздурораженный слухами о развратной девице, Белев вышел на улицу, надеясь ее найти. В комнате отдыха на балу все подумали, будто он провел с ней ночь, ну и пускай думают. Ему тоже хотелось покрасоваться: мол, я храбро пускаюсь во все тяжкие.

Свернув за угол, он врезался в фонарный столб.

– Уй! – потирая лоб, поморщился Белев. – Что ж это такое! Отчего фонари не горят? Губернатору с градоначальником выговор. И строгий-с!

Разумеется, выговор прозвучал лишь сейчас и не последует при случае. Делать замечания большим людям нехорошо, еще обидятся.

Вдруг... красная юбка, синий... Да! Синий жакет, страусовые перья мелькнули вдали. Белев увидел ту, ради которой отважился на путешествие по ночному городу, прене-

бредя опасностью, и которая завладела его воображением. На цыпочках, мелко перебирая ногами, чтобы дама не сразу его услышала, он приближался к ней. А она шла медленно, то пропадая в черном проеме, то возникая в свете фонаря, — желанная по одним только рассказам, вызывавшим жгучую похоть. Белев огибал световые пятна и мысленно сжимал в жарких объятиях порочную легенду города. Подошел почти вплотную к световому пятну, где очутилась она. Обернулась на звуки шагов.

— Судары... — И застрял на полуслове, так как некто вторил ему, произнеся то же слово «сударыня».

Белев шагнул в свет, тот, другой, одновременно шагнул ему навстречу... Казарский! Вот те на! У Казарского тоже лицо вытянулось. Белев смутился, а особа молча взидала на них, спрятав личико за вуалью, но поворачивая головку то к одному, то к другому.

— Вы, простите, как здесь очутились? — полюбопытствовал Казарский.

— Гулял-с, — бойко ответил Белев. — Разве нельзя-с?

— Отчего же ночью?

Белев сник: Казарскому хорошо — у него не имелось дома ручки, которая за ночные гулянья голову оторвет. Тупая-то жена тупая, а сообразит, зачем муж удрал из дому.

— Не спится, вот почему, — буркнул он.

Оба покосились на предмет мечтаний, скрипнули зубами и переметнули взгляды друг на друга. Особа не сбегала, как,

бывало, убегала от мужчин, значит, кто-то из них ей приглянулся.

– Будет вам врать, – сказал Казарский. – Ее искали.

– Нет... – нарочито обиженным тоном произнес Белев и подумал, что другого случая может не представиться. За нею вон сколько господ гоняется, а ему бы только один раз попробовать, чтобы утолить страсть мечтаний. Он тряхнул головой: – Да-с. Искал-с. Но умоляю, ежели ты... а я тебя считал другом... ежели вы порядочный...

– Слово дворянина, никому не скажу. Выбор за дамой. Мадемуазель, кого из нас предпочтете?

И вдруг вожденная мечта сказала:

– Обоих-с.

Господа потерялись. Белев смекнул, что ночь может получиться изысканно развратной, какой даже его богатое воображение не рисовало, смущенно пробормотал:

– Э... одновременно-с? Ля мур де труа?

– Не, господа, по очереди, – простецким языком прачки заговорила мечта. – Да тока договоримся загодя, по двадцати рублей устроит? Деньги наперед попрошу-с. А ля мур я вам обеспечу хоть до завтрашней ночи, вы тока договоритесь меж собою, кто первым, а кто вторым будет. У меня и обождете, туточки недалече идти, кофею попьете... с пирожками-с.

Мужчины переглянулись. Что-то в ней не вязалось с теми упоительными слухами, которые гнали мужской пол на по-

иски таинственной незнакомки. Казарский первым сообразил и шепнул:

– Это не она.

– А ну пошла! Пошла, пошла! – возмущенный обманщицей, принялся отгонять ее тростью Белев.

– Чего вы? Чего вы? – опасливо отступала мошенница. – Господа, клянусь честным своим словом, будете довольны...

– Убирайся, а то в полицию сведу! – гаркнул Белев.

Мошенница подняла юбки и рванула прочь, топоча по мостовой. В конце улицы остановилась, подбоченилась и раскричалась:

– Скажите какие! У, бессовестные, глаза бы на вас не глядели! Погодите, выслежу вас да женам порасскажу, как вы от них бегаєте! Сами-то уж ничего и не можете, паскудники. Вот вам!

Ну и оголила зад в панталонах, тем самым нанося господам оскорбление. Казарский громко свистнул, девица подхватилась и побежала дальше, а он расхохотался. Смеялся и Белев, утирая слезы:

– М-да, как она нас, а? Уморила, ей-богу.

– Но какова мерзавка! – смеялся Казарский. – Обрядилась, как та...

– Нет, как вам цена, а? Небось не стоит и рубля, а запросила по двадцати! Это же мародерство, ей-богу.

– М-да, когда бы не говорила скверным языком, я бы попался.

– Все же приключение, – вздохнул Белев, глядя на туманный свет фонаря.

Но велико разочарование, ах как велико!

Дверь, поворачиваясь на петлях, заскрипела; Елагин вздрогнул и в ожидании замер, глядя на вход. Она не пришла, как обещала, ни через день, ни через два, а он приходил сюда, коротал часы в тишине, мучимый непостижимой силой притяжения этой женщины. Афанасий Емельянович не был влюблен, любовь – это привилегия господ, да и как любить ту, которую не знаешь? Его влекли тайна и та простота, с какой неизвестная отдавала себя. Он даже не задумывался, что имел дело с обычной уличной шлюхой, в его сознании она не связывалась с грязными словами, потому что было в ней нечто упоительно-трепетное, возвышенно-прекрасное и далеко не порочное. Была в ней и сила, что освобождала от неуверенности, давая взамен открытие чего-то нового в себе. Елагину казалось это странным и непостижимым, оттого он ждал встречи с нетерпением, внутреннее чутье убеждало: она придет. И пришла – таинственная, изящная, легкая. Афанасий Емельянович неловко встал, стул упал, он засуетился, поднимая его, а она тихонько засмеялась:

– Зачем же так волноваться?

– Я ждал вас...

– Знаю. Погасите лампу.

Настала темнота. Зашуршали юбки, она, словно видя его, подошла вплотную, прикоснулась ладонью к щеке, затем ее губы зашептали у его губ:

– Я не хотела приходить, но вы не такой, как все.

– Не такой? – спросил Елагин, проглатывая волнение. – Какой же?

– Другой. – И ни слова больше.

Ее гибкие руки обвили шею Афанасия Емельяновича. В ту первую ночь у него возникло ощущение, что он нужен ей так же, как она ему. Сегодня уверился: встреча их не была случайной – эта женщина, сама того не зная, искала его, как и он ее. Елагин другой? Так ведь и она другая, особенная. Афанасий Емельянович не знал, кто она, откуда, почему избрала ночь и улицу. Он понимал, что она скрывалась, наверное, имея серьезные причины, возможно, пряталась от полиции, потому готов был предложить помощь. Сначала, наслушавшись рассказов о ней, его гнало любопытство: что может дать женщина такое, чего он не знал? Когда же провел с ней ночь, понял: свободу без притязаний, свободу без ограничений. Как это все произошло, почему? Дело не только в постели, в чем-то еще... Наверное, в том покое, когда не бывает обязательств, одновременно нет рамок, а есть магическая, необъяснимая сила притяжения. При всем при том он узнал ту грань, которая не позволяет переступить черту и опуститься до пошлости, от которой наутро бывает противно.

Елагин лежал, обнимая теперь уже знакомую незнаком-

ку. Эх, кабы взглянуть на нее. По прикосновениям он знал, что у нее прямой нос, высокий лоб, чуть впалые щеки, мягкие и пухлые губы, а целуя, они становились упругими. Он уже изучил ее тело, но этого так мало, теперь она ему нужна была полностью.

– Разрешите закурить сигару, сударыня? – спросил он.

– Курите, – отодвигаясь, сказала она.

Сюртук висел на спинке кровати, Афанасий Емельянович достал сигару, зажал ее зубами и на секунду задумался. Чиркнув спичкой, он подождал, когда разгорится огонек, поднес его к концу тонкой и длинной сигары, скосив глаза на незнакомку. Увидел только утонченный профиль, но и этого было достаточно, чтобы сделать вывод – она красива. И неновая мысль снова заняла его: зачем же ей прятаться? Была бы уродливой или старухой – тогда понятно. Собственно, чтобы она ни натворила, он был готов отдать ей все, кроме свободы, потому что за стенами этого дома не свободен. Одно очевидно: несмотря на близость, она оставалась далекой.

– Вам нужна помощь? – спросил он, чтобы подойти к главному.

– Нет, – как всегда тихо, ответила она.

– Почему же вы прячетесь?

– Разве я прячусь?

– За темнотой, – сказал он.

– Это всего лишь условие, при котором уходит стыд.

Ни вы меня не видите, ни я вас, оттого мы раскованны. И вы не испугаетесь, встретив меня днем, что я стану шантажировать вас.

– Вы придете?

– Да.

– Когда?

– Ждите.

Почему-то он не рискнул заговорить о своем предложении, но до самых рассветных сумерек Елагина не покидало ощущение, что она обязательно согласится. Не было в ней равнодушия к нему, какое встречалось у женщин легкого поведения, как бы они его ни прятали. Это давало надежду...

С полудня Виссарион Фомич, сидя в коляске, караулил того самого племянника, проживающего в доме своего дяди – Долгополова. Франт и щеголь, двадцатитрехлетний Евгений, а по понятиям Зыбина – бездельник бездельником, каких немало, – вышел из особняка и, постукивая тростью, пошел вдоль улицы. Виссарион Фомич приказал извозчику ехать за ним; поравнявшись, сладенько поздоровался:

– День добрый, Евгений Антипович.

– Простите, мы не знакомы, – остановился тот.

– Так садитесь ко мне в коляску, заодно и познакомимся, – любезно предложил Виссарион Фомич. Когда молодой человек, слегка недоумевая, все же сел к нему, поинтересовался: – Далече ли собрались?

– К портному... на Торговую площадь.

– Стало быть, нам по пути, – откровенно рассматривая Евгения, непонятно чему обрадовался нечаянный попутчик. – Разрешите представиться – Зыбин Виссарион Фомич, начальник сыскной полиции.

– Вы... по поводу дяди? – омрачился Евгений.

– Разумеется, – благодушно улыбался Зыбин. – И у меня к вам имеются вопросы. Не соблаговолите ли вы на них ответить, сударь?

– Извольте, – нехотя согласился тот, ведь не согласись он, его бы в участок вызвали. – Только я ничего не знаю.

– Но вы же не ведаете, о чем я спрошу, – хихикнул Зыбин, косясь на франта. – А вдруг вы все же знаете много для нас полезного?

– Задавайте, я слушаю, – обреченно вздохнул Евгений.

Зыбину были смешны франты, а то они и вовсе его раздражали. Ну, вот этот, на что он годится? Костюм носить умеючи, манерами щеголять да деньги прожигать? Какой прок от него? А от мужа польза должна быть, на то он мужчиной и уродился. Отбросив первое впечатление, Виссарион Фомич задал вопрос:

– Вам не кажется странным, что вашего дядю нашли убитым в мещанском доме, в квартире, которую он снял?

– Кажется.

– А зачем он снял квартиру?

– Не могу знать, дядя передо мной не отчитывался.

Однако! Семейные тайны щеголь открывать не желал.

– Небось с женщиной тайком встречался на той квартире? – подмигнул Зыбин.

– Может, и так, мне-то какое дело?

– Сударь, коль вы знаете о его тайных увлечениях, то вы обязаны рассказать о них следствию. По моим сведениям, у него была любовница...

– Так это когда было... – неосторожно обмолвился Евгений.

– Стало быть, было, и вы об этом знаете, – подытожил Виссарион Фомич. – Мне надобны подробности, ведь убит ваш дядя. Вы, надеюсь, желаете, чтобы преступник был найден?

Молодой человек нервничал, покручивая трость. Вдруг он с торжеством посмотрел на Зыбина и решился:

– Ну да все равно, тетя мне ничего не сделает, ведь дядя упомянул меня в своем завещании. Да, он увлекся одной женщиной, бывало, просил меня записку ей снести. Однажды тетя Прасковья Ильинична вытащила у меня записку и устроила скандал дяде, после чего он присмирел.

– А что в записке значилось?

– Я не читал, сударь, как можно-с! Но понял, что он намеревался встретиться с... вы меня понимаете... у нее же муж как раз уехал.

– Так ведь записку вы могли и обронить, а тетя поднять.

– Я аккуратен, – возразил с достоинством Евгений. – Нет, не мог я потерять записку, хотя тетя уверяла, будто потерял.

Дядя был взбешен, кинул в меня книгой, затем кувшином. Голову поранил...

– Имя дамы? – перебил его Виссарион Фомич.

– Помилуйте, это совсем дурно с моей стороны... – играл в порядочность Евгений, но, встретившись с тяжелым взглядом Зыбина и поразившись, как легко этот человек переходил из одного состояния в другое, выложил: – Вики Галицкая.

– А что, муж ее так-таки не догадывался о проделках жены?

– На сей счет мне ничего не известно. Дядя умел хранить тайны, а Вики тем более незачем рассказывать.

– Скажите, сударь, чего ж это она предпочла вашего дядю? Согласитесь, в свете он не блистал, обликом был скромненький, говорят, и груб бывал-с да замкнут.

– Дядя умел добиваться своего, – с гордостью за родственника сказал Евгений. – И потом, подарки... Дядя был богат, он дарил ей подарки. Однажды при мне купил бриллиантовую брошь, я потом видел ее на Вики. Знаете ли, не найдется женщины, способной устоять перед роскошью.

– Угу, не найдется, – машинально согласился Зыбин, думая о чем-то, как показалось Евгению, постороннем. Последовал следующий вопрос: – А что, много ли вам оставил дядя?

– Да так... на жизнь хватит, а там...

– Выгодно женитесь, – игриво подсказал Виссарион Фо-

мич. – Что ж, дело хорошее – жениться с выгодой.

– Я не тороплюсь, – смутился Евгений.

– Что же вы, сударь, у дяди-то живете? Родители ваши живы? – продолжал Виссарион Фомич задавать вопросы, не имеющие отношения к убитому, при этом он пристально изучал франта.

– Родители мои бедны и проживают в деревне, дядя взял меня на воспитание. Прошу простить, я приехал...

Коляска остановилась, но Зыбин не сразу отпустил молодого человека:

– Момент, сударь. Так говорите, дядя присмирел, когда жена обнаружила измену? Однако он выходил ночью. Не поверю, что эдакий умный молодой человек не заметил, как дядя покидал свой дом.

– Отчего ж, заметил. Как-то видел...

– Что, что вы видели?

– Недели две назад я засиделся с приятелями, возвращался домой поздно, а дядя выходил из ворот. Пешком шел. Я последил за ним, но в переулке его ждала коляска, он сел и уехал.

– Благодарю вас, сударь. – Глядя вслед молодому человеку, он покивал задумчиво и приказал извозчику: – Трогай, любезный!»

На стул плюхнулась красивая блондинка с прямыми волосами до пояса, в белой короткой куртке, в узких джинсах и с голым пупком, в котором сверкала серьга. Она села вполоборота к Артему, закинула ногу на ногу, локоть уложила на спинку стула и обвела глазами всех трех человек. Из них выбрала Артема, который с постной миной сказал:

– Привет.

– А мы знакомы? – произнесла она грудным завораживающим голосом, можно сказать, привлекающим.

– Сейчас познакомимся. Имя, фамилия, образование.

– Меня зовут Моцарелла, фамилию не скажу, она у меня некрасивая, образование... высшее, разумеется. Дай закурить.

София про себя подумала, что интеллект на ее лице даже не ночевал, какое уж тут образование – начальная школа? Вовчик, стоявший за ее стулом, начал тихонько хихикать. Артем протянул пачку Моцарелле, та вытащила сигарету ноготками, зажала ее между пальцами и поставила локоть на стол: мол, огня теперь поднеси. Он щелкнул зажигалкой:

– Что это у тебя за имя такое странное?

– Сорт сыра так называется, – подсказала ему София.

Можно пританцовывать на стуле? Это нереально, а Моцарелла натурально пританцовывала, вертя плечами, играя

корпусом, болтая ногой.

– Точно, я – как сыр, – ухмыльнулась она. – Вкусная.

– Где ж ты получила высшее образование? – спросил любопытный Вовчик.

– Пф! – фыркнула она: дескать, тупой нынче мент пошел. – Ну, где-где? В постелях, машинах, на травке в парке, на скамейках...

– Слушай, не рисуйся, – осадил ее сверх меры серьезный Артем. – Юмор, который понятен только вам, мы не оценим. Дашь нужные сведения – и гуляй дальше по скамейкам и травкам.

Она пожала плечами, это могло означать все, что угодно, курила, но в дальнейшем перестала выпендриваться. Артем начал с фотографий, бросил к ней на стол:

– Эти клиентами у тебя были?

– А я их всех помню, что ли? Мужиков ого-го сколько, я одна... – Моцарелла взяла фото, покривила рот в яркой помаде. – Фу! Кто ж их так?

– Из ваших кто-то, – сказал Вовчик.

– Ты псих? – подняла она на него густо накрашенные глаза. – Из наших мужиков не кончают, мы их любим. Не-а, этих я не встречала.

– Может, одиночка среди вас затесалась? – попытался реанимировать ее память Артем. – Ну, смелая там... независимая... наглая... Крутая.

– Ой, да всех этих независимых Бедуин с братвой так

учит, что мало не покажется.

В общем, на Моцареллу зря время потратили. Вторая была поскромней первой, немногословной, представилась Наташей, в ее голубых глазах десятиклассницы застыл безотчетный страх и обещание быть послушной. Перебрав фото, она лишь отрицательно замотала головой – значит, не видела их. Ничего не слышала и о съемщице мужчин, орудующей заточкой.

Третья начала с того, что заныла:

– Я первый раз попалась, простите меня...

– Иди, – махнул рукой Артем. Когда она ушла, наехал на Вовчика: – Кого хватал? Сказано же – старушек!

– В темноте не видно, сколько им лет.

– Очки купи! – рявкнул Артем.

– Ты бы не пугал девушек, – посоветовала София.

– Их напугаешь, как же! Вовчик, следующую телку давай.

Четвертая была старше товарок, лет тридцати с приличным хвостом, наверное, поэтому и держалась уверенно, но не нагло. Глаза у нее были какие-то пустые, тусклые, оттого лицо показалось Софии невыразительным, усталым. С трупами она не встречалась, о смелой и независимой проститутке с заточкой в руке не слышала. Артем, понимая всю бесполезность опроса, кинул авторучку:

– Что же, выходит, Бедуин контролирует улицы, а у вас из-под носа уводят клиентов, и вы о коллеге ничего не знаете?

– Да не пыли, начальник, – вяло остудила его Женя. – Бе-

дуин тоже небольшого ума, ищет конкуренток среди студенток.

– А что, не там ищет? – заинтересовался Артем.

– Не там. Спрос расширился, мужики хотят опытных баб.

– Не понял, на что ты намекаешь?

– Я разве намекаю? – криво усмехнулась Женя. – Прямо говорю. Ну ладно, объясню. Хорошенькая, молоденькая девчонка зачастую годится в качестве станка и только, опыта она набралась из порнухи, а типично женского чутья, умения завести мужика по-настоящему у нее нет. Понимаешь, есть такое понятие: пресыщение. Когда мужик пресытился юным и неумелым телом, глупой мордахой, развязностью и так далее, он начинает искать более острых ощущений, короче, на извращения их тянет. У нас появились клиенты, предпочитающие баб в возрасте.

– То есть...

– Да, да, – покивала Женя. – Не все хотят мальчиков и малолеток. Бедуин вылавливает студенток, а клиентов снимают теткы с полтинником за плечами, а то вообще необъятные колоды. Старые калоши знают, чем взять мужика, и успешно отнимают у нас кусок. Я одну такую знаю, Бедуину ее не сдаю. Тетка, скажу тебе, молодец, следит за собой, не то что наши дуры. Клиента приводит домой, постелька у нее чистенькая, шампанское и водка, закуски, свечи, обслуживание. Знаешь, чем берут старухи?

– Свечами с водкой?

– Это антураж, который тоже надо уметь создать. Так вот, мы трудимся в поте лица, считай, обманываем клиентов, которые нам до фонаря, лишь бы он быстрее управился. А у пенсионерок-разведенков, имевших в семейной жизни мало секса, это хобби, приносящее и удовольствие, и доход. Двух зайцев убивают.

– М-да, но кто-то убил и клиентов.

– Ты уверен, что убила ягодка с нашей полянки?

– Пока всё на эту версию работает.

– Тогда слушай сюда, – подалась к нему Женя. – Ты прав: если есть шалава, которую подбирают на улице, значит, ее кто-нибудь да видел. Я разведую, что за умная да храбрая такая у нас выискалась, самой стало интересно. А девчат отпусти, они, дуры, кроме бабок, шмоток и члена, ничего не видят.

Предложение было принято, впрочем, выбора и не осталось. Женя записала номер телефона Артема, продиктовала свой, уличных жриц отпустили.

Артем потер лицо ладонями, встряхнул головой, а София вдруг поняла, в каком он напряжении. Да, конечно, опасности нет, нет погонь и так далее, но идет работа ума, она тоже отнимает силы. София переместилась на стул, на котором сидели рабыни любви, переплела пальцы в замок и подперла ими подбородок.

– Ты расстроен?

– Иногда я сомневаюсь, что мы верно остановились

на простипоме.

– Сомнения – неплохая вещь, они заставляют искать новые пути, не дают заостенеть. Мне кажется, ты зря вешаешь нос. Хорошо, допустим, их убили враги, тогда это должны быть общие враги, а Жмайлов с Зимовцом не общались. В противном случае тот же Ионыч хоть раз, но увидел бы Зимовца. Поэтому самая убедительная версия с проституткой, ведь оба пользовались услугами доступных девиц, других людей они не подобрали бы на дороге. Но может, она и не проститутка, а представлялась ею, чтобы залезть в дорогой автомобиль и убить владельца.

– Думаешь?

– Ну, я не берусь утверждать, просто меня натолкнули на эту мысль автомобили. В обоих случаях мужчины были на колесах, автомобили забрали, значит, их куда-то определили, чтобы потом продать, так?

– Молодец.

Артем закурил, глядя на нее в упор, словно внутри посмеивался над Софией, вообразившей себя гениальным сыщиком, которому ясны примитивные ходы преступников. Поэтому она и не восприняла слово «молодец» как похвалу, но продолжила:

– Разве те, кто будет перекрашивать и сбывать машину, не знают, что она краденая? Прекрасно знают. А если им известно и то, что машину получили, убив владельца? Такого быть не может?

– Может. Но обычно угонщики сами меняют облик автомобилей, потом толкают их по своим каналам, к тому же они обходятся без кровавых жертв, я говорил тебе.

– А вдруг это небольшая группа, не умеющая угонять автомобили, но умеющая их изменить и продать? Мне вообще кажется, что женщина у них – приманка.

– Ничего себе приманка: заточкой в горло ширяет.

– Да, ваши эксперты установили, что рука слабая, но они же не сказали точно: убила женщина. Почему ты не хочешь предположить другой вариант?

– Какой?

Софию повело, она, обладая достаточно живым воображением, уже готова была отстаивать свою версию и отстаивала:

– Допустим, попав в автомобиль, она каким-то образом заставила Жмайлова и Зимовца остановиться... например, выйти ей понадобилось... м-м-м... за кустик. А вернулась не одна. И тогда сообщник, даже не залезая в автомобиль, ударил клиента заточкой! Вот тебе и слабый удар, который получился из-за неудобства положения убийцы. Как по-твоему? Или я совсем дура?

– Да нет, ты не дура, но забыла: удар нанесен снизу.

– Правильно! – воскликнула София, не встретив со стороны Артема категоричных возражений. – А как еще ты ударишь, стоя за пределами автомобиля? Снизу и чуточку сбоку, по-другому не получится.

Он задумался, явно представляя хозяина автомобиля и убийцу, который открыл дверцу и мгновенно нанес удар в горло. Докурив сигарету, гася ее в пепельнице, Артем покачал головой:

– Такой удар правомочен в случае со Жмайловым, потому что у него был джип – машина на высоком ходу. Но у Зимовца легковой автомобиль с низкой посадкой. А теперь представь: ты открываешь дверцу, все равно надо хоть немного, корпусом, влезть в салон, для чего необходимо согнуться. Потом надо опереться левой рукой о сиденье, чтобы получить точку опоры, и только после этого ударить владельца. Времени понадобится немного – секунды, но удары не были бы одинаковые. А тут разница нанесенных ран очень небольшая, что говорит об одинаковом положении обеих жертв и убийцы.

– И что? Что это значит? В каком они находились положении?

– Черт его знает. Знаешь, я не люблю заморачиваться предположениями всякого рода, они лишь уводят в сторону. Ну, нарисует мы картины убийств, что из того? В любом случае все упирается в женщину, ее и надо найти. А может, оба двух простилом взяли, а? Чтобы оторваться на все сто. Нет, я люблю точно идти по следу, шаг за шагом, так меньше ошибок случается. Пойдешь со мной в «Голубую лагуну»?

– Ты меня приглашаешь? – кокетливо заулыбалась София.

– Ну, в общем... Да, приглашаю продлить рабочий день.

- Я согласна поработать сверхурочно.
- Сверхурочные никто не заплатит.
- Это чудовищная эксплуатация, но так и быть, поработаем на голом энтузиазме.

Сначала София не придавала значения названию клуба, сейчас как только ни называют рестораны, кафе, забегаловки. Например, «Куршавель» что навевает? Горы, лыжи, шикарный курорт. А в городе так называется жуткая забегаловка среди дешевых ларьков и магазинов возле рынка, но с большой претензией (судя по названию) на шик. Едва София попала в «Голубую лагуну», как поняла, почему она голубая. Артем поинтересовался, что София предпочитает поесть, та мотнула головой:

- Ничего здесь не буду.
- А кофе? Тут его хорошо варят.
- Давай, – брезгливо согласилась София, опасливо озираясь. – Мы с тобой здесь как две белые вороны. Нас не побьют?

– Нет, – хохотнул Артем. – Чего ты напряглась? Расслабься. Они терпимо относятся к чужакам. Может, мы решили ориентацию поменять.

- Не хочу менять, – буркнула София.

Подошел амбал, обтянутый черной кожей, с лысым черепом. Он улыбался во весь рот, а голос у него только что народившегося теленка:

– Что закажем?

– Два кофе по-турецки, – сказал Артем, но не отпустил парня, или кто он там на самом деле. – Мне нужен Каскадер. Покажешь его?

– А зачем? – пропищал амбал.

– По делу. Большому и тайному.

Артем протянул ему сторублевку, тот изящным движением, не соответствующим медвежьей лапе, забрал ее и пообещал:

– Покажу, если придет.

Кофе действительно был отменный, представление на эстраде заслуживало внимания, но София между диалогами с Артемом...

Сочиняла собственную историю

«Стешка Кислицына, известная под псевдонимом Лоло, раздосадованная очередной неудачей, возвращалась в бордель. Она то и дело вздыхала: остаток ночи придется потрудиться на мадам, раз барыша не получила – в который раз упустила клиентов из господ.

– Чего им надобно? – переодеваясь в укромном местечке, ругалась Стешка. – Будто мы все не одинаковые! И как они узнают, что я не она?

Однажды гость, взявший Стешку, рассказал, будто в городе объявилась некая девица, отбирающая заработок у «би-

летних», получивших желтый билет вместо паспорта. И будто бы она господ подбирает прямо на улице, а не в борделе промышляет. И будто бы господа, да и не господа готовы ей платить огромные деньги, только чтобы провести с нею ночь. Во как! Заодно восторги выслушала Стешка по поводу уличной шлюхи: мол, пикантная, обворожительная, чувственная, божественная... Гость называл ее Камелией! Да, стать Камелией – мечта многих публичных дев, да не всякая становилась. Прозвище Камелия получала обычно содержанка высшего ранга, пользующаяся особым спросом у мужчин, которые кидали к ее ногам целые состояния. В борделях редко становились Камелиями, тем более в таком, в каком обосновалась Стешка. Но Кислицыну заело. Она на мадам трудится, а кто-то в красной юбке вышагивает по улице и – пожалте! – имеет успех с деньгами! Стешка не глупа, надумала воспользоваться образом Камелии. А что: та отбирает кусок у честных проституток, почему бы Стешке не отобрать у нее клиентов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.